

Александр Акулов

Фрагменты и вырывы¹ из текста

Берёзовск-8 за Арзамасом-26

эк-роман-лёт

(чтение для сверхчеловека)

60 из 7500012.

Редакция сверена 03. 07. 2024

© Акулов А. С. 2010 — 2024

...Пилеволе — главное в реальности. Умиравший начинает врать сам себе, на пару секунд погружается в галлюцинации о потустороннем мире. Но в пилеволе даже семь-девять атомов дления — почти вечность, а дурманные видения — твёрдая действительность, что размножается, распрямляется, зудит, превращается в кватердециллионы одновременных жизней... Стоп! И обычное бытие до названных секунд — дорассветное мудрствование той же природы, обман, иллюзия, неправильная попытка постижения того не знаю чего — игры пилеволе в волепиле...

¹ Вырыв — в отличие от термина начертательной геометрии, само вырван-ное.

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне

ПРОЛОГ-111

Всевозможных рукописей Михаила Ревякина осталось немало, хотя он и относился к писателям, еликие до первого приступа геморроя не пользуются туалетной бумагой. "А ведь хранил, хранил! Такую-то фигондерию!" — брезгливо воскликнул я. Кому она понадобится? Небось воображал, сулит великий дар культуре! Расплодилось горе-литераторов больше, чем крыс и воробьев. А бардак и пылица вокруг! Где взять Геракла, который очистит эту конюшню? Сюда бы Прометея с напалмом или Герострата с канистрой бензина. Но стоит ли мечтать? Довольно и спички у Мальчика-с-пальчика. Однако нет. Нужно средство иное. Я ударил кулаком в шкаф из фальшивого ореха и услышал звон металлической дверцы. Пришлось доставать связку с ключами. Их было штук семнадцать. Какой из них подходит? Для передыха сел в шезлонг и принялся размышлять о том о сем. И в первую очередь — о Михаиле.

— Мы с Сидоровым выпиваем по полтора литра водки — и ни в одном глазу, — когда-то бахвалился Ревякин в телефонную трубку.

— Хе-хе, друг! — спрашивал я его на следующий день. — Не ты написал статью о духовной наркотизации России? И приплел туда ни к селу ни к городу Мерло Понти?

— А что? Написал! — воскликнул Михаил и забубнил длинно и туманно о моральных проблемах церковной мыши.

— Вот тебе наркотизация! А сам говорил, полтора литра водяры выпиваешь, — перебил я его.

— Не я говорил, — скромно ответил Ревякин. — На писательские трудодни не проживешь и не напьешься. Подрядился маляром в музей Ивангорода и заодно в заграничный монастырь. Буду ходить по мосту через Нарву до эстонского автобуса.

После того не минуло десяти суток, как Ревякин употребил свои "фронтовые" литераторские полтора литра, но почему-то всосались они не совсем типично. Отправился радостно-наркотизированный Михаил в лучший мир, не доехав ни до крепости в Ивангороде, ни до монастыря вблизи Кохтла-Ярве.

Попробовав воткнуть ключ в несгораемый шкаф, я обнаружил в замочной скважине засохшую жевательную резинку. Не собираясь чистить, машинально повернул ручку. Стальной сезам открылся. А в нем — папки. Папки. Здоровенные, архивные. Внизу — ящики с картотекой. Желтые, но аккуратно расположенные куски картона. Да здесь не Михаил Ревякин трудился! Это дело его брата — выпускника Московского историко-архивного института... Что там Михаил сболтнул по пьяни? Де брат — полковник неких фантастических ДРД-войск. Работник спецслужбы Пи-3-дзет... (или, бзэт?). Слава богу, забыл точное название! Чем меньше знаешь — тем спокойнее. Про существование этой склизкой конторы ни один черт не ведает! Но я ухмыльнулся, отбрасывая в паутину папки с надписями: "М-ский треугольник", "Невидимые ракетопланы", "Плазменные НЛО". О-о! Заметил другие паперки! Ах

ты, Митрохин номер два хренов — изменник у-родины! Интересненько поступал. Проносил копии документов в плавках через проходную! Накручивал на член и наверняка фольгой от плавленых сырков обертывал! Возникла лишь заморочка: до Лондона не добрался! Пристукнули, по слухам, на Рязанском проспекте без суда и следствия. Но провести обыск у родственников за пределами Московской области не догадались! А это? Якобы особо прочные магнитные диски фирмы "Барракуда". Э! Господа-товарищи! Разматывать глюковые терабайты можно всю оставшуюся жизнь — и времени не хватит! Нужно дополнительно сотню жизней подзанять! Ах, пэ-рэ-сэ-тэ! Еще окрашенный под орех шкаф! Не найти только шелкунчика с мощными челюстями, расколупать его оболочку.

* *

За три рейса я вывез нежданное богатство в Рощино. Легко догадаться, ваш покорный слуга оказался не таким уж трудоголиком, чтобы изучать предназначенное для HSIS, а то даже просто для МИБ добро. И конечно, не стал звонить в контору на Литейном, 4. За отсутствием иных вариантов затеял наобум вытаскивать документы и соединять их в порядке, наиболее подобающем на первый взгляд.

* *

Добавить новую подробность? Опрокинули в омут заворотокишечного закосмического ужаса вовсе не угрозы деятелей ФСБ, ГРУ или внешней разведки. Не марсиане и не потусторонние силы из иных миров. Именно я начал угрожать себе. Вмиг допетрил: некоторые негосударственные, сугубо частные бумаги из

секретных шкафов составил сам. Но когда? Ничего из описываемых в них событий не помнил, но вот изобретенные мною словечки, свою манеру выразиться постиг сразу. Не надо приглашать экспертов-матлингвистов! Однако провалами памяти я не страдал, зазоров или покрытых тайной стыков в биографии у меня не было. Прошлое обозримо как пять пальцев на правой руке. Даю левое яйцо на отсечение.

* *

ПРОЛОГ-422

Сов. секретно

Записка подлежит немедленному уничтожению после прочтения

Подпись. /Л. А. Фотиева./

Феликс Эдмундович!

Простите любезно, милейший, но подтверждаю еще раз мое предыдущее распоряжение по этой теме. Признаюсь, Троцкий меня понял неверно, но все-таки гораздо лучше ваших чекистов! В первую очередь обратите внимание гг. Уншлихта и Агранова на религиозную сволочь среди философов и писателей, а равно на зараженных поповщиной ученых. Смотрите, как удобнее: поездом в Ригу или двумя пароходами из Петрограда. Главное — отправить лукобесов вон из страны.

Теперь о буржуазно-феодалных словесниках, логиках, махистах, прудонистах, агностиках, релятивистах и других рупорах светских измышлений. Интеллигентскую нечисть (профессора Борисова, Семковича, Кагатовского и проч.) арестовать, и только позволят обстоятельства, сослать на восток, куда-нибудь дальше Перми, а то и в Сибирь. Пожалуй, больше подходит Су-

гримск. Пусть живут там сибариты и нэпствуют, но под строгим присмотром красногвардейцев. И физическую трудовую повинность им часа по полтора в день помимо умствований и торговли! Хотя бы делать порох! Иначе не давать им конских колбас! Не забудьте, что я говорил о тунгусском случае. Благо, перепуганный царь сжег не все бумаги о взрыве. Вот заодно поселенцы поломают головы на досуге. Да охранять их как следует!

Председатель СНК *В. Ульянов (Ленин)*

21 мая 1922 г.

000....

УКАЗ
Президиума Верховного Совета РСФСР
"О переименовании
автономного закрытого города Сугримск-4"

23 октября 1940 г.

Переименовать автономный закрытый город Сугримск-4 в Бериевск-6.

Председатель Президиума Верховного Совета
РСФСР

А. Бадаев

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР

П. Бахмуrow

Москва, 23 октября 1940 г.

000....

УКАЗ
Президиума Верховного Совета СССР
о переименовании
автономного закрытого города Бериевск-6

27 августа 1953 г.

Переименовать автономный закрытый город Бериевск-6 в Березовск-8.

Председатель
Президиума Верховного Совета СССР
К. ВОРОШИЛОВ

Секретарь
Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПЕГОВ

Москва, Кремль. 27 августа 1953 г.

* *

Для П. я. 716/443-8
И. № 00 9764-Д

Москва.
Кремль.
Секретариат Президента СССР

Рачинскому Г. Я

Уважаемый Григорий Яковлевич!

Ваши проекты мне на стол положили. Почитал и с удивлением узнал о еще одной злободневной вещи — проблеме раскупорки Березовска. А ведь многое мы без того легализовали. Но вопрос можно повернуть по-другому. Буду откровенен с вами: в Москве о диком фортеле никому не посмел бы сказать. Мы сломали Берлинскую стену. И на тебе — привет! Я почти уверен: стена восстановилась и потихоньку двигается в нашу сторону, уже готова разделить союзные, затем и автономные республики. Или уничтожить их. Европа, похоже, объединяется, а мы... Идет мощное давление. Но пусть люди разберутся.

Я думаю так: если раскупорим Березовск, не закупорится ли СССР? А не закупорим сами, то закупорят нас. Не вообразить всего, потенциально выходящего из за-

крытых гуманитарных НИИ и расползающегося по планете.

И разве Ваши референты не помнят об Арзамасе-26? Греть тройным кольцом "ящичков"? Являть просвещенному миру? Я слышал, у вас могут воскрешать организмы. Воскресите лучше Менакера.

М. С. Горбачев
29 сентября 1991 г.

В последний раз спрашиваю: "Куда там запропало подлинное тело Владимира Ильича?" Пришло время сообщить: пока я Президент СССР — не остановлюсь перед любыми мерами, чтобы это выяснить.

Часть первая "ПЕРИСКОП"

Погружение-312

Левый угол стал постепенно оплывать. А настроишь зрение на близь — покажется: из темного нутра торчат сероватые гвоздики. При взгляде в самую даль делается совсем плохо и подташнивает. Нутро первореальности чуется гигантским, в нем свербит не черное, не мрачное — ни с чем не сходное. Стараюсь не дергаться. Можно считать: мы люди, которыми были... Я человек и не более. А всякие углы... Ну их! Фокусы хоро-медицины слишком обнажают невзрачную действительность. Окочурился бы и окочурился. Бублик от дырки. А здесь живи и бодрствуй. Хи-хи! Без левого нижнего угла! С кипящей в нем первотерией. Пардон! Какой инфантерией?! Едва не купился на академическую лажу. А это? Хо-хи-хи! Телефон позвонил. Чудеса в решетке! Точнее, из-под решета!.. Нет разницы между сном и ... Эх, припеки с наварами, пончо мать! Эх, тригонометрия японская! И несомненно, на том конце кто-то одушевленный. Но зачем мне? А решето в моем положении? А сон? Давно забыл о нем. Прежде спускались сон и сновидения. Даже поверить трудно. Так-таки вливались, словно живые. Бытие — воля и представление. Что представляешь — то и есть. А прогуляться? Вот, вельбот! Обычное *выйти на улицу и пройти пару кварталов* — никак нельзя. Потайная пружина втягивает назад. Иногда незримого трона-подиума

нет. Это африканское претворение в интактного духа, возвращение сердцевинных истин дается не сразу, а рывками, по частям. Не требуется и голова профессора Доуэля. Фантасты догадались отпиливать голову. Отпиливать чисто воображаемое? Вечное, премудрое шествие из ниоткуда в никуда. Не надо его прятать. О! Зря подумал. Чую пузырение...

Погружение-814

В длинном дворе — старый деревянный дом и маленький домишко с террасой. На ней шумная компания. В главном доме три человека и собака.

— Что там? Что там?

— Там! Там! Да как назвать то, что там! До сих пор не понял. Пьеса только начинается. А начнется ли?

Он распрямил руки, вместе со стулом отодвинулся и зацепил стеклянную безделушку. Раздался звон, а вслед за звоном — тьяканье выскочившей Ринки. Болонка зарычала громче, агрессивнее, выщеривая в качестве кукольной угрозы тонкие зубы. Стало звенеть в ушах.

— Еще не хватало. Всю жизнь о подобном мечтал...

— Хох! Сейчас на террасе узнают о твоём прибытии. Тогда поплачешь.

— Не плакал сто двадцать пять гармошкиных лет и сегодня не заплачу, но скверно, если узнают. Впрочем... Плохо будет не мне. Мне уже тутошнее не страшно.

Болонка почувствовала: может оказаться причиной чего-то ужасного, пискнула и замолкла. Она словно бы

вспомнила то да сё похожее, но более мелкое по значению, и даже повела носом направо, потом налево. "Способна ли она отменить тяжелое, необоняемо склывшееся где-то высоко, выше лежащих на небе белых нестриженных пуделей?"

Георгий воззрился на лоб животного, но проникать в ее душу не хотелось: "Многое там скрывается, хватает иных забот". Он заходил по комнате. Его космы некрасиво сбились на один бок, разрушая форс четырехдневной щетины на щеках.

Мариэтта Петровна глянула в окно на летний домик. Оттуда доносились громкие голоса и смех. "Не пропустить бы, когда кому-то из веселящихся вздумается зайти сюда", — встревожилась она.

У другого окна сидел в меру упитанный флегматик и лениво произнес:

— Не нужно устраивать пе-ре-по-лох. Обнаружат. Сразу побегут докладывать?

— Какой ты, Семен, однако! — воскликнула Мариэтта Петровна.

— Был. Не был. Разница-то в чем? Мир поменялся.

— Но у вас не изменилось ничего, — сквозь зубы проговорил Георгий.

Свет бросил на пол изломанную тень его туловища, а внизу на стену у плинтуса — почти точный профиль лица.

Комната увешана картинами. В них звучало слабое эхо благополучно сгинувших "материковых" нонконформистов, но в целом впечатление оставалось ярче. Эта обстановка подчеркивала двусмысленность ситуации: картины будто собирались бежать.

— Куда теперь? — задала неотвязно нависший вопрос Мариэтта Петровна.

— Имеете в виду легально? Только в материал!

— Ха-ха-ха! — нервически выдавил из себя флегматик. — Зато пожилы на славу! Рай и ад посмотрели. В отличие от андропод. Надо же... Всю вселенную насквозь! Не просто Солнечную систему!

— Попрыгунья Стрекоза... — пропел в тон Георгий.

— А я бы согласилась побывать Стрекозой! — заявила Мариэтта Петровна.

— То побывать! — усмехнулся Семен. — Лишь побывать и я бы не отказался.

— Кто мешает вам обоим отправиться в заведение Пафнутия? На триста процентов поприсутствуете.

— Терпеть не могу цирк, носовые платки, слюнявчики и скафандры, — прогудел Семен. — Где наблюдали стрекозу в скафандре?

— И с титановым канализационным коллектором между крылышек, — добавила Мариэтта Петровна.

...во флигеле:

"Ну, и? — спросила Полина, разглядывая себя в зеркале. И ответила: — Есть нужно меньше. Вернее, нужно не то есть. И тогда все будет хорошо. Иначе чуть-чуть не того — и станешь уродиной. А здесь выкладывают на стол пудинги с мальтозой".

Докатился новый взрыв хохота. "Богема несчастная! И у них — мальтоза! И еще мало! Сейчас направятся в «Сьерра-шараду!»"

— Полина! — донесся голос архитектора. — Куда запропала? Уходим.

— В «Шараду»?

— Очень нужно напрягаться. В «Неоновый»!

— А «Ву-а-ля» не надо?

— О-хо-хо! Не издевайся над престарелыми перестарками. Теперь это слово читают совсем по-другому. Совсем уморили каллиграфы. И мягкий знак у них родился, и второе "в"...

— Знаю. И меня к этим напиткам?

— Пусть в меру... — голоса стали тише, публика вывалила на улицу. В зеркале появилось изображение, и Полина не испугалась, когда плеча коснулся Тер:

— А давай, не пойдем в дурацкий "Сперматозоид"! Обойдутся и без нас!

По физиономии Полины поплыли, быстро сменяя друг друга изумительнейшие чувства. Она приоткрыла окошко и крикнула:

— Гуляйте, ребята без меня!

Завязка-предвязка

Привет, Галя! Это не кто-то, а именно я — Петя. Не обращай внимания на странный конверт. Или ты меня похоронила? Да не умер я, не умер. И в Африку-Америку меня не послали. Увы, не мог ничего говорить толком. Находился под надежным колпаком. У нас это умеют обустроивать.

А ныне я в России и все же вне ее. Есть такое удивительное местечко между Европой и Азией. Не значится ни на одной карте. Таки корова языком слизала. Со спутника нормально не сфотографировать. Чудеса науки и техники, какие Большой земле не снились. Одно покажут, другое спрячут — в итоге будто бы сплошная тайга. А на самом деле? Разоблачить несложно. Достаточно сравнить с дореволюционной картой Российской империи. Там место населенное, а ныне официально словно бы под землю провалилось.

Вместо кольцевых дорог — запретные зоны, номерные предприятия и черт знает что! Но в целом еще похоже на обычную жизнь, если, конечно, особо не присматриваться. Зато в центре, центре. Ух, ты! Вместо милиции разгуливают красногвардейцы, чаще бабы, в униформе чуть не двадцатого года. А власть — вовсе не рабочих и крестьян, как следовало бы ожидать. А потомков тех господ, что входили во Временное правительство, Учредительное собрание, колчаковские министерства. Но еще мало знаю, чтобы под этим подписаться. Только сегодня выяснил: на самом деле изначально всем заправляли, те, кого не отправили с каким-то там... философским пароходом. Бред какой-то. Надо будет проверить, походить по местным музеям.

И думать не думал, что здесь окажусь? Какие "черные дыры", какие полчища гнуса вечерами возвращаются

здесь вокруг каждого фонаря! А что за чудище я встретил в лесу позавчера? Какую-то парнокопытную рысь! Помесь рыси с антилопой! Да такого и не бывает, и быть не может! Подобное не сотворил бы и доктор Моро! Но я — видел! Правда, меня попытались осмелить старожилы. Говорили, это помрачение ума от болотных испарений. Болото де не совсем простое... Вот уж утки! Фигушки! Расскажите что иное! Раз видел — значит видел! Скорее можно усомниться в дважды два — четыре.

И вот еще фокус. О нем следовало бы промолчать. Да я переправлю письмо с оказией. Ну, а ты, я думаю, просто примешь к сведению, а разбалтывать никому не будешь. Где-то позавчера проходил мимо пруда или искусственного озера. Так себе озеро. Где-то с квадратный километр. А на нем — хи-хи! — подводные лодки! Да здоровущие. Северодвинск прямо или Полярный! А сверху озера, на высоте метров сорока, — настилы, всё, настилы... Это, понимаю, чтобы шитокрыто было для чужих спутников... Только не совсем ясно. Слышал, от самолетов-разведчиков и спутников-шпионов защищает кое-какая электромагнитная алхимия. Значит, настилы — или сохранились со старых времен, или — на пожарный случай, как говорила та старая дева, надевая презерватив на варежку: "Береженого бог бережет!" Но всё равно дико. Прямо в Страну Бармалеев попал. Под землей эти подводные лодки плавают? Или их на летающем блюдечке куда-нибудь в Индийский океан доставляют, чтобы мыть в его водах противогазы и бахилы?

Письма отсюда, конечно, не доходят, но как сказал, найду способ отправить! Будь покойна! Обману всех. И передавай привет Сибкину, он в курсе моих дел. Не за-

будь про картофельное поле. Ну, ты там понимаешь, на что я намекаю!

"Письмо перехвачено УФСБ по Пермской области и переправлено с фельдьегерем в ЧК² Арзамаса-26"

ИНД 000-7654947569

/ Это второе из семи похожих писем./

ВЫДЕРЖКИ ИЗ РАЗРАБОТАННЫХ ОТВЕТОВ (письма отправлены адресату)

Дорогой Петя!

Письмо получила. Очень хорошо! Но ведь ты сбежал! Сбежал! А теперь словно бы заманиваешь в общники. Правда, заманивал и раньше, до отъезда. Для чего?

Пишешь то и се, но местами невнятно. Да что за глупости? Я всё помню... Я же в своем уме. Отчего ты называешь Плащинского каким-то Сибкиным? Что за странная описка? Или ты решил меня специально проверить? А намеков не надо. Открытого текста у тебя предостаточно! Дальше некуда. Кромешных тайн уже ждать не приходится. Поэтому греть бумагу для прояв-

² ЧК — самостоятельный орган, возникший на основе местной красногвардейской контрразведки. В Сугримске-Березовске и прилегающих к нему территориях никогда не было отделений НКВД и соответственно — ГПУ. Тактическое временное переименование Сугримска в Бериевск сохранило такое положение, а позже позволило увеличить число специалистов в необычных областях науки, техники, культуры. /Прим. составителя./

ления на огне, выискивать что-то между строк, не буду. Сам требуешь молчания и тут же просишь передать приветы. Как-нибудь разберись с собой.

Равно боюсь писать "До свидания" и "Прощай".

Целую. Бывшая твоя Галя.

P. S. Если многое разузнал, то наверняка сможешь перейти эти дурацкие кольца и заграды. Давай договоримся! Буду ждать тебя, скажем, а К-се или похожем месте. Ты запросто туда-сюда обернешься за пару часов. Да и выходные дни у вас там есть! Зачем эта вечная ссылка?

Что-то ты совсем разманюнился в своем малобабном Ф-секторе. Шатенкой я всегда была, шатенкой. А уж в каких там сновидениях ты брюнеток увидел, не знаю.

ИЗ ОТВЕТА АДРЕСАТА

Конечно, попробую осторожненько поинтересоваться. Местные многое знают. И всё-таки сомневаюсь. Переписка, сведения об озерах... свалились неожиданно. А дорога... Хм... Это — большой ребус. Слышал, можно передвигаться, минуя кольца. Неким сверхсовременным путем. Здесь попадают бог знает куда без старта с Земли и ракетоносителей. Увы, по службе далек от всего этого.

ИНД 000-76559647804

Трик-экспозиция

Из посадок выбежал молодой лось, скакнул перед бампером автобуса, оглянулся, то сё сообразил про себя и помчался к линии горизонта. "Километр в секунду! Был возле — и уже в иной дали!" — прикинул Николай.

— Быстрее самолета, — обронил водитель.

— Ровно артиллерийский снаряд. И представить трудно, — поддакнул Николай.

— Снаряд не снаряд, но... будем считать, искажаются восприятия на этих ясных просторах. Лошадь может показаться размером со слона.

Аэродром пропал из вида. Миновали длинный туннель, и дорога пошла через второе кольцо Арзамаса-26. Здесь Николая настигла мысль: возвращаться назад не придется. А ландшафт? Что за пейзаж? Гигантские застывшие, но еще переливающиеся языки пламени. Ими заполнено пространство вне дороги.

— Красная зона, — отозвался на недоумение водитель. — Подобных зон не счесть. Некоторые ныне пусты и относятся к Березовску, а не к Арзамасу. Пламя сделалось холодным, в нем есть тропинки для туристов. Используют вместо лабиринта.

"Да-а! — решил Николай. — Это вам не Златоуст-36, не Пенза-19 или Свердловск-44!"

Возникли напоминающие газоны луга. Над ними возвышались поставленные на попа большие и малые "дирижабли", собранные в сотни батарей. И рядом с шоссе — поле. Земля чернее антрацита, а в ней — неглубокие ямы-траншеи и согнутые, как при прополке,

люди, но выдергивали они из антрацита не сорняки, а - модели геометрических фигур: пирамиды, цилиндры, шары, кубы...

— Не заморачивайся, — молвил, поворачивая руль, Харон, — ничего из происходящего нет в природе. Слегка подтаявшие замороженные сновидения.

"Наконец-то дождался комментария!" — подумал Николай и проговорил вслух: — Не внутри ли коры головного мозга мы едем?

— Почти. Но кора вовсе не кора и не принадлежит конкретному субъекту. Не повторяй материковые бредни о коллективном бессознательном... Такого не существует.

— А наличное перед нами?

— Наплав. Вернее, наплыв внутренних соков из человеческого древа, если выражаться фигурально.

— Тогда к чему шары, пара- и криволипепеды?

— Ха-ха! Должно, за ними ты сюда и приехал!

У Николая моментально угас интерес к самосушим объемным картинкам ни для кого.

Часть 22827

...дохнуло свежестью. Донеслись звуки, много раз бывшие в предыдущих снах. Словно пластмассой ударили по пластмассе. Да какая пластмасса! Отчетливее послышалось: "Карр-лл!", "Кар-р-лл!", "Карр-лл!". Наваждения ушли, но остается их звон, их эхо. Но "Карр-лл!", "Карр-лл!", "Карр-лл!" летит через широ-

кую форточку с Шахматной площади. Ясно представляются черные и белые квадраты из огромных искусственных минералов, бронзовые часы-фонтан в центре. Он не помнит фигуры, поддерживающие часы: амурчики не амурчики, ангелочки не ангелочки, "лели" не "лели"; всё единое бронзовое сооружение. Чуть не из позапрошлой жизни. Не исключено, звук "Карр-лл!", "Карр-лл!" производит не ворона. Куда ей, серой! То иная птица, черно-бело-шахматная с длинным хвостом, жуткий гибрид чайки, сойки и галки. Да! Больше в ней галки, но только крупной и длинной галки-кларки. Может ли она делать "Карр-лл!"? И догадаться сложно: прыгают по фигурам фонтана одни, а в стороне карлкают другие. Карл. Клары... Вот-вот! Где, где мои кораллы?! А в сновидении были шахматные пластиковые кораллы и стучали друг о друга.

Не сразу понял: нынешняя площадь напоминает рыночную. Ту самую с двумя купцами — основателями города Сугримска. Чем? Чем? Ни грана общего! Здесь если не оригинальность, то явно триестское, пражское, рижское. А там? Сотворенные из обручей абстрактные "Минин" и "Пожарский"! Плюс топоры да срубы, камни и кирки... Контур стогна аналогичный, но непохожи здания. Стоп! Еще рифма! Площадь Эрнста Маха с памятником³ Маху из спирального мебиусно свернутого сплюснутого бублика. Главная дырка внутри спирали специально увеличена, чтобы издалека не виделись меньшие просветы. Дырка в форме земного шара. Весь мир — дырка и ничего в придачу. Не сообразил: часы на Шахматной такие же... Имеющие форму маховской

³ Воздвигнут в 1926 г по распоряжениям А. Луначарского от 1921 и 1923 гг., но эскизы наркома отвергнуты из-за эстетических разногласий. Иногда к авторам проекта ошибочно относят Александра Родченко. Современный модифицированный вид сооружения приобрело только в 1955 г.

дырки. Мы далеко потопаем! Как всё подстроено — и ни слова в проспектах! Постигайте, пожалуйста! Хорошо! Пусть Мах. Пусть часы. Шахматы. А купцы при чем? При том! Вымостка тех же размеров, одинаковоугольная, по золотому сечению расчерченная; пешеходные дороги проходят в стороне или внизу.

Субпролог минус 17819164 логопарсек (лп)

Купцы Фома Крыжак, сын Рогов, и Петр Скворица из земли Галицкой, в волости Пиштымской находясь и разговоры казаков Семенушиных проведав, остановица доле решиша у Пиштымки-реки, а оставшись до мисяца иулия, испросиша у Макария, дьяка, неприйти на взробе рудники серебряны. Думава зело, да приняв в дар от купцов шесь жбанов вина монастырскаго, дозволе дьяк рудник почати между Пиштымкою и Сугримкою, но не захоте дать казаков и казачонков в помозь, вдругорядь три бадьи вина запросив. Тады ины поступиша Крыжак и Скворица, самоуправство чинити. Для того созвах Крыжак голытьбу из трех деревень Арашуских и рече: "Освободе кто желае от болярина, приходе сюды насовсем. Крепости нет на вас, не перед кем отчет держати. Пахати неча зря неудобь и бысть задаром чужими холопиями".

Но посла болярин Арашуский за казаками устьинскими — и притопе на сход ясаул из стана со казаками от Большой Пишты. По сем же пред беднотою вопрошати ясаул глаголя: "Аще ли будете из огни да в

полымя, иттить в ново томительство?" Холопия, рты пораскрыв, на мисти своем соосташа.

Ясаул тот быв росту саженого, а ума слабого, трезвости не зна. В шинок зашед со кумпанией из Пишты. Бит бысь шкердами нещадно в оный же день. Премного пив после того, да захмелев гораздо, конёв потеря. Егда же пияница сей истребовати хуторских конев шед, пьяный полезаша мимо броду в Сугримку и утонеша со двумя товарищи.

А Фома Крыжак и Петр Скворица основаша рудники разны медны и золоты и слобод создаша числом немало, и оные назваху гарадом Сугримским через осемнадцать годов.

Сектора и Рулетка Аполлона

— Там в СССР осталось всё буржуазное, а вернее, кулацкое. Архаические театры. Редакции. Издательства. Невнятные музеи. Чудовищные галереи. Академии. Куркулиное нечто. А то и вовсе феодальный социализм. Только начинка рабоче-крестьянская. А так — хуже некуда!

— У вас лучше?..

— У нас наоборот и сразу — формальный пролеткульт, но с дворянско-буржуазным содержанием и модернистским вывертом. Жаль, у нас не было контактов с Латинской Америкой, Испанией и Францией.

— Понял. Будь этот контакт. Произошла бы романо-русская мировая революция. Но не слишком ли всё это однообразно и под одну гребенку?

— Забываете рулетку. Она враг всякого ведущего стиля, скоротечной моды, подражания и глупой тусовки. Партийности, как вы называли. Сверх того, пунктирно сохраняем рецессивное. Из нетей то одно выныривает, то другое.

— ...?

— Что не проходит — в архив. А архивы не уничтожают, ставят на рулетку. И отвергнутое имеет еще шанс выйти в свет и не раз.

— Что-то не впечатляет такое протирание нафталина.

— А зачем университеты?

— И зачем университеты?

— Там и есть те самые Недостающие сектора. Каждые пять-десять лет на планете существуют только 1/1000 возможных направлений искусства и литературы, философии. Остальные 999/1000 в малых, но достаточных количествах синтезируются здесь. Привлекаем даже студентов. Есть все методики.

— Байпас рулетки?

— Не сказал бы. Недостающие сектора ни от кого не скрывают. Многое сразу же идет в дело.

— А как с одурением, с провалом в бесконечность?

— ...есть многое, Горацио, на свете

ВНЕ ПАПОК

Обе сестрички любили мотать деньги и как-то незаметно свалили на меня свои финансовые дела. А затем и многие прочие. Уходя, выслушал от Агнии массу слов о бумажках с водяными знаками и просьбу купить какой-нибудь приемник для... кошки. Торопился и не придал последней фразе значения, но по дороге ее вспомнил. М-мм... Случалось, Агния оставляла для животного музыку. Так и продолжала бы дальше. Но радиоприемник? Что же кошка должна лапами нажимать на его кнопки? Или приснился весь разговор?

"Алло! Ты говорила про..."

Да не буду звонить. Еще чего!

.....
.....

Обстановка в магазине неприятная: масса моделей, но почти все убогие, допотопные, с переменным конденсатором. Выискивать нечего. Сейчас продавец начнет "консультировать" и наверняка или что-то сморозит, или скажет пакость.

— Ищите приемник? Какой вам надо? — спросил безбровый казчик.

— Для кошки.

— Красный или лимонный?

У-у... Вдруг кошка его куда-то заткнет, будет трудно искать...

— Лимонный!

Казчик взял с полки коробочку, вытащил из нее что-то вроде будильника. Похоже, ничего дальше не делал или просто надавил на корпус, но загорелся индикатор. Послышались звуки, нечеловечьи, некошачьи...

— Всё работает! Выписывать чек?

Я вернулся. Продавец уже упаковал покупку:

— Если кошка не разберется, первый раз нажмете кнопку сами. А если нажать два раза подряд — у нее появится телефон для связи с прочими кошками. Некоторые просто фырчат, некоторые... А впрочем, почитайте инструкцию.

ИЗ ПОДСЛУШАННЫХ ДИАЛОГОВ

* *

— Утечка информации? Утечка технологий?

— Что такое?

— А вот поглядите сообщение:

Странное событие в городке К. Дочка стала дудочкой. Теперь она живет в мобильном телефоне и рассылает оттуда СМС...

— Хи-хи-хи! А какое это отношение?

— Вы что не понимаете? Дудочка — это душа.

— А мы здесь причем?

— Читайте дальше:

Убийство — всегда на высоком уровне, это совокупность полумок. А если полумок нет? Так называемые физические объекты — всего лишь изображения. Изображениями (аутоиллюзиями) являются молекулы, атомы, элементарные частицы. Преобразования на изначальном уровне полумками не считаются.

А вот и уточнение обстоятельств:

Из дальнейших допросов подозреваемого

Я попросил ее забрать одежду с собой. Мало ли что. Ушло лишние 4 квт электроэнергии...

— Ху-хм! Теперь и одежда превратилась в душу? Фи! Да не дудочкой она стала, а дурочкой!

А ПАША

— А Паша куда лучше преступной дудочки! Он вполне легально поселился в компьютере, живет там полноценной жизнью, всемирной, всекосмической. И никакие СМС ему не требуются. Он давно про них забыл.

— ...?

— Куда дели его бранные останки? На такие вопросы мы не отвечаем и отвечать не собираемся. Мало ли куда дели... Обществу от этого только польза.

— ...?

— Вы совсем ...? Какой еще мясокомбинат? Даже о производстве биопрепаратов не может быть речи! Просто многие еще не готовы к восприятию правдивой информации. Новое противоречит их архаическим обычаям. Вам не кажется, что представления о кладбищах, захоронениях, кремации и тому подобному устарели?

— ...?

— Тем более! Речь не идет об умершем человеке!

— ...?

— Вы еще об энтелехии, об энтелехии поговорите!

У/ю

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Да ничего там особенного. Везде — такое же. Но... Немало уникального.

Повеяло энергией и странным ужасом от транспарантов 20-х годов:

ДОЛОЙ РЕЛИГИЮ И АТЕИЗМ!

ДОЛОЙ ИДЕОЛОГИЮ И ФИЛОСОФИЮ!

ПСИХОЛОГОВ — НА ГИЛЬОБТИНУ
ВМЕСТЕ С ПОПАМИ!

ПОДДЕРЖИМ В. В. АДОРАТСКОГО

Сороковые годы?

С февраля 1942 по сентябрь 1944 года приходилось делиться продуктами с Советами. И больше, чем надо! И больше, чем отрывала от себя целая губерния! Откуда всё бралось? И всё же рестораны в городе нормально функционировали. В их меню значились продукты (взглянем на обрывок бумаги с меню):

Сучье вымя
Собачья нога
Козий потрох...

А если здесь корейцы-владельцы? Не исключено, этот раритет — для хамского отвода глаз. Оленина и юкола были основным продуктом питания. Даже из учебников это можно вычислить.

В 1942-м Арзамас пытались обвинить в промышленном саботаже: не всё дает, кое-что утаивает. Обвинение не прошло: собственных рудников не так много, внешние поставки сырья оказались недостаточными. Зато с середины сорок третьего в Союз пошел стратегический продукт АГ-14. Документация по нему до сих пор закрыта.

Прозрачна история с задержкой и неотправкой полка добровольцев из Березовска: и внешний НКВД, и местный ЧК всячески препятствовали этой разлагающей советских людей дикой идее.

У-217

Расставание было долгим. Странно, ведь Федор не уезжал за пределы Старого сектора и выехать из него было невозможно, и все же женщины-Хеуки плакали. Да! Жить в мебелированной комнате после гостеприимного дома непросто. Но зато не на кампусе! Не Россия, но и не заграница! И не вечно же быть учеником р.....го училища. Нужно поступать в М...диевский институт, а проучившись в нем пару лет, попытаться перейти в университет. И какие-то вольные работы до то-

го найти. Эти работы уже нашли для него Хеуки — на другом конце мегаполиса.

Федор прохаживался по цеху близ помещения конторы. Начальника все не было. Неудобно как-то здесь прохаживаться. Может, зайти в контору, поговорить с мастерами и учетчицами, порасспросить о том о сем. Ведь все они по русскому обычаю сейчас бездельничают и ничем связанным с работой не занимаются. Федор двинулся в сторону распахнутой двери. Это движение каким-то чудом было замечено. А может и нет: произошло какое-то совпадение. Из проема высунулась молодая розовощекая блондинка и потянула ручку двери на себя. Дверь захлопнулась. Вот так! Федор опять начал прохаживаться вдоль стены, ожидая пропавшего начальника цеха. Минут через пять это ему надоело. Он подошел к двери, раскрыл ее и нагло спросил у сидящих в конторе:

— Можно я у вас тут побуду?

Канторщицы переглянулись между собой. Сидящая в углу розовощекая блондинка едва не прыснула.

— Побудьте, побудьте, — улыбаясь, разрешила старшая. — Что, студент? Будете работать день через три? (Федор кивнул.) У нас Кира тоже студент, кивнула старшая на смешливую блондинку, учится на дизайнера.

Был конец смены. Две дамы собрались, поторчали у зеркала и покинули помещение. В конторе осталось трое, не считая Федора. Ему налили кактусовый напиток и предложили гречневые сухарики с марципанами. Федор сидел между Кирой и двумя остальными. Эти двое Лена и Софья занялись разговором между собой. Федор, сделал пару глотков и с выразительным шепотом обратился к Кире:

— Почему вы захлопнули дверь у меня перед носом?

— Хм... Потому что разбежалась, чтобы захлопнуть и не могла уже остановиться.

— Сквозняком потянуло?

— Может, и сквозняком, но больше краской. А если чем-то иным... — Кира, нисколько не стесняясь, состроила глазки.

— И чем же иным?

— Сам догадайся. Но не очень-то! Я обманывать люблю. Признаюсь сразу.

— Обмани еще раз!

— А я обману без обмана.

— Ну, без обмана.

— Глянь наверх!

Федор задрал голову и обомлел: вверху конторы не было потолка, там простиралось еще метров десять свободного пространства...

— Ух, ты!

— Ах, ты!

— А окно наверху какое огромное, в несколько этажей!

— Его недавно сделали и пока оно не нужно. В действительности мы находимся внутри бывшего холодильника, а с этой стороны — вовсе не лестницы — это трубки его системы, но я-то использую их именно вместо лестницы.

— Зачем?

— Посмотри на подоконник.

— Откуда там библиотека?

— То не библиотека, а мои учебники. Там наверху почему-то очень хорошо занимается. Волшебство какое-то. Мой прадед был, а не дворянин и даже не интеллигент, наследственной способности к учению у меня нет. Эта верхотура здорово помогает. Я еще по

три головных убора надеваю для умственной помощи, когда читаю книги. А ты дворянин, наверное?

— Прапрадеды, или точнее, прапрапрадеды были мелкопоместными, но не разорились после реформы Александра Второго, а потому их дети-студенты число бомбистов-террористов не пополнили. Говорят, из-за этой сильно запоздалой реформы революция в России и произошла.

— А я свой род так далеко не знаю. Мы даже крепостными были. Некоторым и в крепости хорошо жилось...

— А я бы не поверил. Это всё новая материковая пропаганда. Понародилось моральных Каждый горе-.....нец, хоть тот же журналист, считает, что очень хорошо работает, а потому и А если ты журналист, то такое твое мнение — ошибка и ты очень плохо работаешь на самом деле. А платят ему или за красивые, за данный от природы голос, или за что-то подобное.

МПГ-27

Условное название:

ГЛОВАЙ

Каким образом? Чужими ли руками? Причем здесь генерал-лейтенант? Такие звания вообще не положены... Или в Арзамасе подобное есть? Итак, никаких обоснований, никакого грифа. Этот документ можно нюхать сколько угодно и вертеть разными сторонами, рисовать им в воздухе любые трехмерные фигуры. Но, во всяком случае, давать его медиумам нельзя. Мало

ли что... А вдруг именно медиум его и надиктовал? К-кошмар! Простите, такого не требуется. Итак, сами записи.

* *

Вообще-то я не репортер. Из-за избытка досуга писал заметки, которые и очерками не назовешь. Публиковали мало. Большею частью захоранивали в толстые колумбарии, будто бы для будущих поколений. Нынешним, де, такое не требуется. Иногда и прямо заявляли: "Куда это, батенька, лезете?" Да за такую информацию... И опять прятали в камень⁴. Техника техникой, а бумага в хороших условиях — до сих пор самый долговечный носитель данных. Не страшна даже вспышка сверхновой. Не важен сверхдлинный солнечный протуберанец, меняющий полюса на магнитах.

Итак, о никуда не идущем. Идущем от... Я бы уже не сказал "от меня". Вопрос слишком деликатный. Началось со случаев сублимации или одержания людей. Целыми поселками. Наслушался разговоров. Кто же знает... Бывают и массовые переселения. Как и обычно, идет речь о полосе между Березовском и Арзамасом. словно специально оставляют такую неподконтрольную территорию. Да и какой контроль? У человека руки коротки...

Добрался до местечка Гловай — и перед самым носом выставили ограждение. Постоял. Послушал разговоры геодезиста с к-гвардейцами:

— Откуда этот план достали? Подарите его вашему дедушке.

— Какой дали. Времени у нас нет.

— А где ваша дурацкая труба?

⁴ Искусственный материал в подземных хранилищах.

— Уничтожили.

— Бог ты! На карте где она была?

— Не читаю карт. Не топограф. Километрах в двух-трех от нас...

— Что вы городите?! Нужны метры, сантиметры! Сами свой забор и ставьте!

— Дайте линию.

— Между какими точками?

На меня грозно уставился гвардеец и взмахнул стеклом. Дескать, уноси ноги, пока цел. Что делать? Помахал ему ручкой и двинулся в сторону поселка. Благо нужное заведение приметил заранее.

В России давно ни постоянных дворов, ни тракторов. Здесь они есть, но их почему-то именуют тратториями. Никакого отношения. Ничего итальянского. Кто-то по ошибке назвал, и дальше пошло. Теперь они повсюду. Вспомнил. Вспомнил. Правильно: "трактория" — от слова "трактор" — 50 лет назад колесные тягачи и тракторы-фургоны — основной вид транспорта во всех приарзамасских зонах.

Единственная гловайская траттория перед глазами. На внешний вид сойдет. Много летних веранд и отдельных крытых пространств без стен. Столики не во всех. Гм... А не фанера ли везде? Полтора десятка номеров. В своем пробыл не больше сорока минут и двинулся изучать окрестности. Не все же вокруг перекрыли. Почти сельский вид. Поля Рощицы. Улиц раз, два, три и еще несколько. Почти всё обозримо.

На перекрестке — девица. Слегка подкрашенная. Будто кого поджидает. Да словно ни с кем не договаривалась, но хочет встретить невзначай. Блеск. Блеск. Улыбнулась и произнесла:

— Здравствуйте.

- Добрый день.
- Не очень-то добрый.
- Вы про солдат у ямы?
- Не только.
- Могу чем-то помочь?
- Хмм... — с неопределенным жестом.

Расстались. Просто произносил "Могу чем-то помочь?", а ощущение — словно бы огладил ее по всем закрытым и открытым местам. Странно. Раньше за собой такого не замечал.

Ловлю себя на мысли, вернее, на желании проверить, не огородили еще Гловай со всех сторон заборами? Эту мысль-желание отгоняю, но оглядеть окрестности не мешает.

Ничего не видно. Отправился в направлении противоположном тому, где застал гвардейцев. Попал в зону, заставленную крытыми беседками. Круглые крыши беседок — что-то среднее между юртами и стогами. Внутри беседок по кругу идут скамеечки, двери закрыты. И не открываются, словно бы заколочены гвоздями. За полосой беседок пошли какие-то буераки, ручьи. За ними еще одна зона — глубокие овраги. Чего-чего, а оврагов в Арзамасе я не припоминаю. Чисто гловайская достопримечательность.

Вернулся к вечеру. Постояльцы сидят на террасе. Почти никто не ест. Музыка. Танцуют несколько пар. Ага! Моя знакомая с перекрестка выделывает коленца с каким-то низеньким смугляком. Я устроился за столом недалеко от прочих. Солнце зашло, но никаких moskitov. Отлично. Уже никто не танцует. Смуглый метис и моя знакомая стоят в стороне. Что-то ожесточено обсуждают. Орут.

И помнить не помню, каким образом Алина — эта девушка с перекрестка — оказалась у меня в номере. Вроде бы я сам никаких мер к тому не принимал. Да и какой там номер! Отлично слышно всё, что говорится и делается в соседних комнатах. О чем мы говорили? О гвардейцах, наверное, а может, и нет. Она гловайская, хотя часто торчит в траттории. И как-то начала без всякого перехода:

— Мне двадцать два года, а до сих пор ни от кого не получала ласку.

"Вот ведь врет! — подумал. — Мм... Да она совсем не о том: как и все, ждет чего-то особенного, что вполне возможно, но только не у нас, а в неких иных краях и долинах".

— А что ваш дон Педро? Таки совсем не хочет носить сомбреро?

— Какой Педро?

— А тот, с кем вы так кричали...

— Мы не кричали. Этот Садбай совсем уж... Он бывший учитель...

— Танцев?

Мы договорились пойти завтра в направлении моих сегодняшних буераков, а до того я отправил ее домой. Остывать от пережитых эмоций.

На следующий день мы и двинулись в сторону ручьев и оврагов. По пути пытались несколько раз заглянуть в беседки. Я уже собрался оторвать доску от входа в особо уютную зелененькую беседку, но меня остановили взгляды откуда-то взявшихся персон. На камнях сидели старички. Вчера местность была совершенно безлюдной. Что ж! Заколочено, значит заколочено. Не мы здесь хозяева.

После долгих блужданий мы нашли в тесной лощине свои камни. Там и устроились. Было неплохо. Почти хорошо. А потом? Как мы вернулись назад? Провал.

Провал. Где мы? Опять в гостинице? Когда успели прийти? Спрашивать глупо. Сочтет за сумасшедшего. Полутемнота. Опять притиснуты друг к другу. Она здесь, но рука проходит сквозь ее тело, как через туман. Не вижу своей руки. Не могу упереться в стену. Туман. Один туман. Гравитация есть, но есть и невесомость. Внизу нет ничего. Лететь? А как это делать, если нечем делать взмахи? Где стены? Где лощина? Где поселок? А вот под ногами пахота! Ее мелкие гребешки еще не застыли, похожи на газ или летучую жидкость — свободно раздвигаются, сдуваются. Вокруг вижу мешанину развороченной земли. Поднялся на ближайший твердый вал. Местечко Гловай исчезло. Сплошное поле перевернутой земли, метров через триста — чахлые деревца. За ними геодезическая вышка. Путь выхода!

* *

Сами видите, какой бред в этом отрывке. Только вот проблема: ныне поселок Гловай можно найти только на картах.

В нелегальной лаборатории

— Омега-доуэлизация для слишком вредных и слишком хороших после несчастья с ними. Старость? Это тоже несчастье, а не закономерность. Правда, миллионы лет назад те, кто затеял катавасию с апгрейдом обезьяны, думали иначе. Они имели другие цели. Для них что люди, что двустворчатые моллюски для выращивания жемчуга — почти одно и то же, сущность похожая. А вот нам этот их жемчуг и даром не нужен, мы его не едим.

— ...?

— И прочие животные для них. Не для человека же! Какие страсти кипят!

— ...?

— Одной партизации мало. Абсолют требует обратного процесса!

— ...?

— Вот они вселенные-то. Одна другой чище! Выбери, сортируй, решай, где лучше. Путешествуй себе на здоровье. Власти ужасаются, конечно...

— ...?

— А вот за то и это самое! Неповадно будет!

— ...?

— Да не жемчуг эти миры! Совсем иное фермерство!

— ...?

— А черт их знает зачем! У них проблемы с очередным концом света. Нас такое не касается. Мы не доросли еще.

ДОУЭЛЬ-ЦЕНТР

/Легальный/

— Так и остается? Что с ним делается?

— Сохраняется дыхалка, но не в смысле легких, митохондрий и кислорода. Вместо крови — не жидкость, а пилевол. Пилеволе похоже и на промокашку, и на зонтик, на пар'ы внутри люминесцентной лампы. Но оно само по себе. Это быстро перебегающий, очень твердый невещественный газ. Для всего внешнего он сверхтверд, но внутри себя газообразен. А бывает наоборот — для внешнего газообразен, а внутри сверхтверд. Никакого отношения к физике и физиологии! Пилеволе — это край психики и ее же ойкумена! Пилеволе — продукт воли. Опять-таки никакой физики! Никакой физиологии! Даже психологии почти нет. Од-

на гума... Грубо — универсальный медиатор. Ему не нужны синапсы. И все же оно по ту сторону сознания.

— Что в сознании не есть интерфейс?

— Только пилеволе. А его не всякий почует. Не всякому ведомо, где и когда его чуют.

— ...?

— Везде там, где немного показывается заграница местного сознания. Где сознание может немного тащить за волосы само себя... Смотри в места обрыва нитей жизни...

— Не расширение сознания, не растягивание психики.

— Хе! Психика де материя сознания...Ерунда, а может не ерунда, если...

—

— По простоте душевной вначале мы лепили из воображаемого месива шестеренки и турбинки.

—

— Как отпустить сознание? Его нужно избавить от всей той бяки, которой оно ежедневно, ежечасно занято. Убедить, что всё давным-давно решено, что никаких проблем нет.

— Решено — решето!

— Почти так!

ИФ

Впереди из дверей кафе вышли две дамы в шляпах с поднятыми вуалетками.

— Владелицы гостиницы и трех домов, — шепнул Федор и начал прощаться с Кирой, — К ним срочное дело! Извини, что покидаю. Увидимся завтра.

Федор забежал сбоку худосочных матрон, да так и ухлестнул за ними со своей хитрой тайной целью.

"Бросает деву, бежит за старухами, — начала проговаривать про себя Кира. — Что он там им лопочет?"

Дамы явно заметили Киру, оглянулись на нее. Та, что поважнее, громко произнесла:

— Что это ты, мóлодец, творишь? Такую дэушку кинул на тротуаре?

Федор опять что-то торопливо залопотал и двинулся со старухами к зданию гостиницы.

"Такой-сякой немый-небрызганый, — подумала Кира. — Остался без мебелишки. Поди, вздумал менять гостиницу на студиошку. И ни гу-гу о том. Тоже мне сирота, наследство потерявший.

.....

/Экзамен для смены карьеры/

— Поете или читаете? — Спросил председатель комиссии.

— Читаю.

— Прошу

— Федор начал воспроизводить наизусть начало "Старосветских помещиков", стараясь говорить чисто, без подчеркнутой выразительности и особых ударений на эмоциональном тоне.

— Так. Достаточно. Вот вам зонтик. Держите. Поизображайте нам сценки. Представьте, что к вам приблизился сорокаметровый дракон и хочет напасть.

Федор, точно как цирковой шут, растопырился, принялся махать и отмахиваться зонтиком от воображаемой морды чудовища. В комиссии раздалась смехи.

— Отлично. Правда, у нас не театр комедии. А теперь в выбранном вами амплу все-таки попробуйте порубить зонтиком дрова.

Федор изобразил действия клоуна.

— Это вы умеете. Теперь продолжите пьеску-ремарку. Два офисных отдела. Начальники отсутствуют. Каждый отдел в своем помещении, ибо помещения недостаточно велики и вместе всех сотрудников не разместить. Жених и невеста — из разных отделов. В отделе, где невеста — девичник. Жених туда еще не допущен. Идет прощание с невестой ее девичеством и разговор о будущем свадебном путешествии, вернее о медовом месяце. При этом неясно, состоялась ли формальная процедура регистрации брака или нет.

В отделе, где жених — мальчишник, но вокруг молодого человека — одни девушки. Они прощаются с уволившимся, либо увольняющимся женихом. Вот когда жених перейдет к соседям — начнется девичник. Зато в соседнем отделе мероприятие с таким названием закончится.

Всё идет своим чередом. После вторых бокалов шампанского скромная толстенная девушка из отдела, где "мальчишник", встает со своего места и задвигает задвижку на двери. Гул восторга. Сидящая неда-

леко от двери тоже скромная худенькая девушка встает с места, подходит к выключателю и тушит свет. Раздается более громкий гул восторга. Помещение тускло освещено слабыми дежурными лампочками и тусклым светом, проходящим из-за неплотно сдвинутых портьер.

Продолжите по своему усмотрению. Но лучше — "под Мураками".

— Так, — начал вслух думать Федор, — в лоб здесь ничего не выдумаешь... Можно впасть в пошлость. Перенести ударение в ту комнату, где выключателями не щелкали или вообще на улицу, в другое здание. Или считать, что все ряженые.

.....

— Ну, и? — недовольно произносит председатель. — Время вышло! Вот еще задание. Сочините историю, которая заканчивается словами: "А который сейчас час?".

Федор краем уха слышал эту задачку, но анализ верных и неверных ответов на нее подзабыл. "Что делать? А нужно брать инициативу и пытаться опять что-то переделать в самом задании. Рифмовать нужно. Рифмовать."

— А если эта фраза будет не только в конце, но и в середине?

— Начальным условиям это не противоречит.

— По улице Адваша важно шествует гусь — начал Федор задумчиво и с паузами. — Прохожие на тротуарах хихикают, ополоумевшие водители давят на тормоза, выжимают сцепление. Одна из фур останавливается. Из нее с криком: "Ах, вот ты где!" выскакивает экспедитор Степанов, чуть не на бегу

хватает гуся, падает и летит в кювет. С руки экспедитора срываются часы и катятся по водосливному скосу. Не выпуская птицу, Степанов садится на край дороги, переносит гуся в подмышку, потирает ушибленные суставы. Затем несет гуся к машине.

В кабине он вслух спрашивает сам себя:

— Куда теперь? Домой или поворачивать назад к Наташке на рынок?

Шоферу кажется, что вопрос обращен к нему:

— А который сейчас час?

Степанов смотрит на руку и не видит там часов:

— Привед, медвед! Где теперь их искать? Столько отъехали... Теперь уж домой!

Месяца через четыре приблизился новый год. Гуся стали готовить по всем правилам, но поспешно.

Сидящий за столом Степанов заметил, что на большом блюде что-то блестит.

— Противоударные! Влагозащитные! — заметил он, хватая блестящий предмет, и начал заводить колесико. Секундная стрелка пошла. — А который сейчас час?

— А как же, медвед, суперздоровенный гусь мог залезть в маленькую подмышку? — попытался неудачно съязвить экзаменатор. — А Мураками где? — и объявил: — Три с плюсом. Шансов никаких.

— Пусть заходит следующий.

Вошла Кира.

— Вот вам задание. Два офисных отдела. Начальники отсутствуют.

.....

Помещение тускло освещено слабыми дежурными лампочками и тусклым светом, проходящим из-за неплотно сдвинутых портьер.

— Закончите это повествование по своему усмотрению. Стиль какого писателя вы бы избрали?

— Жюль Верн!

— Пожалуйста.

— *Через полминуты ожидания кто-то включил стоящую за дыроскопом настольную лампу. Засветилась большая цветная карта Таинственного острова.*

— *А это вам с Мариной подарок, — заявила худенькая девушка. — Билет на этот заповедный медовый остров, расположенный ... узнаете сами где.*

— Что-то наподобие материкового рекламного ролика... А зачем тогда понадобилось запираеть дверь? — заметил председатель.

— Для создания атмосферы необычности.

— Допустим. Теперь ответьте на такой вопрос...

После недолгих истязаний испытуемой главный экзаменатор объявил:

— Четыре с маленьким плюсом. Вы приняты.

Цирк Пафнутия

1

Для начала — разминка. Мы находимся на планете Земля и одновременно рядом с Юпитером. Хотя там только наши глаза, они защищены этими тяжеленными цилиндрами, кои на вас надели. Окунать вас прямо в юпитерианскую атмосферу не будут. Мы не ближе к ней расстояния в один диаметр гиганта. Любуйтесь, жаль не сможете сфотографировать. А зрелище, конечно, страшное и впечатляющее. Ощущение будто вращаешься вместе с этими бурными поясами. Как видите, здесь — не стереокино. Всё настоящее. Турбулентность фантастическая. Вспышки справа — не молнии, хотя похоже на электрические разряды. Можно сказать, специфическая форма жизни. Бывают и молнии. Уже кто-то схватился за грудь. Заканчиваем. Один путешественник выбывает. Тест закончен. Дальше будет сложнее.

2

Орида. Райская планета. Планета что надо. Пробудем здесь четыре минуты. Поэтому ныне ходим без скафандров, дышим сколько влезет. Можно мять этот "мох" и "траву" /в действительности эти организмы — не растения, не животные/ и ненароком давить то, что походит на бабочек. Наслаждаемся воздухом и видами. Но на этой планете запрещено есть и справлять естественные потребности.

На всякий случай напоминаю. Поскольку скафандры вновь не рекомендуются, сморкаться и плевать только в полиэтиленовый пакет. И всё прочее в пакет, если выданное средство оказалось для вас слабым. Повторяю:

— Никаких ахов, охов, восторгов! Нельзя сколько-нибудь бурно выражать знаки приязни друг другу. Даже взглядами. Влюбляться будете после возвращения на Землю. Органические чувства — хуже микробов. Наши микробы и вирусы здесь всё равно не приживутся. А вот острые эмоции — ай-ай-ай! Зачищать их последствия непросто, уйдут мегаватты энергии...

Фонтан времён в голом Арзамасе

Обещанного желтого автобуса не было. И ничего не было, кроме ожидания. Вдруг подошла дама:

— Я — синица. Идите в переулок напротив. Остановка теперь там.

Все перешли улицу. Вот — переулок. Там действительно остановка. Появился темный автобус, но остановился почему-то за два метра до остановки. Только С. сел в него (и никто больше!) — дверцы захлопнулись, дома поехали назад. "Хорошо успел", — подумал С., садясь в кресло и оглядываясь. Езда. Езда. Гм... Когда успели выскочить на предокраины? Далекая, но огромная труба ТЭЦ казалась карикатурно приближенной, намеренно увеличенной. Из нее валил уже не бледно-серый, но какой-то черноватый дым. Где это,

где? "Черным по-черному..., — начал произносить С., — черные завитки по черным завиткам..." Колдуном ли оказался? Уже и не было автобуса. Когда успел выйти? Черное, и правда, прошло по-черному, и кончилось. Черное наступило само на себя. С. не помнил, что произошло. Он стоял на огромном пространстве. Вокруг не было ничего напоминающего жилые кварталы. Страшные пересекающиеся дороги. Идущие во всех направлениях. Дребезжание снующего туда-сюда большегрузного транспорта, массивы зданий там и сям — но далеко. Впереди — труба ТЭЦ, исторгающая серое с примесью черного — совсем другой ТЭЦ. С. оглянулся — там еще одна, совсем другая ТЭЦ и тоже исторгающая серое с примесью черного. Было это всё, уже было. Когда было? И всё так же неизвестно, в какую сторону двигаться по этому рисованному на реальности дежавю.

Опять С. в автобусе, уже в каком-то служебном или экскурсионном. Рина достает из сумки журнал, потом еще один С. машинально берет протянутые ему журналы. Очень древние журналы. Он сам их давал Рине. С. рассматривает обложки и складывает протянутые журналы в портфель. А вот журналы незнакомые. На последней обложке гороховый колпак а-ля Ку-клукс-клан... "Что бы все это значило? Ну, журналы. Ну, старые журналы. Ну, а зачем?" Физиономия у Риной странно меняется, расплывается, уходит, а мысль остается сновиденно-непрожеванной, но совершенно ясной. Были еще стручки на другой обложке, оттенки опять зеленоватые. Всё-то тайное общество, клуб. Нелегальные путешествия по планете и дальше планеты. Магистр Огурец возглавляет...

В пустом пространстве между двумя зданиями, словно бы подсвеченными изнутри, появилась размахивающая рукой девушка.

— Сюда, Пе-ть-ка! — громко пояснила она кому-то и зашла за восьмигранную тумбу.

В ту сторону двинулся белобрысый молодой человек с седыми ресницами, но тут же закрутился, схваченный двумя субъектами, похожими на переодетых гвардейцев.

Стоп! Отвлекли нарочно! Где поворотный круг? Знал и забыл! Огромный поворотный круг, но не для локомотивов, а для двух десятков промышленных кварталов.

Тьфу! За секунду до задержания неизвестного пребывали в некоем нигде люди в масках. Прозримые насквозь! С птичьими и растительными именами-псевдонимами. Плюс атмосфера намеренного одурения. Неужели из всего последнего мельтешения бессознательно считывается шифр? Мельтешение вне колец Арзамаса... Промежуточный выскоч куда-то за три-четыре тысячи километров.

Конспираторы! Синхронно опускают шлагбаумы и фокусничают с перепадами больших масс. Желтый дом, а не желтый автобус. Запросто сойдут с ума потенциальные соглядатаи. Новейшая сепарация психики! Не толкование сновидений, а их толчение в ступе. Вместе с их обладателем.

ИЗ ПАПКИ № 97

3

В центре "Интегро" продолжать подробную экскурсию (которой оказалась дорога) не стали.

— Войдете в курс по ходу дела, — заявил Аркадий.

С двух сторон моего будущего офисного стола располагались приборы и ручки управления, а перед ним — бесшумный водопад за прозрачной перегородкой.

— Там вовсе не жидкость, — усмехнулся Аркадий.

— А рабочее место не только здесь, — добавил немного похожий на Буратино человек, вышедший из двери напротив.

За дверью оказалась полупустая комната с лежаком посередине. Вокруг него — три постамента с экранами, светящимися кнопками и рычагами.

— Так... Что-то это напоминает...

— Томографию мозга у нас не делают, — попытался пояснить Буратино, отцепил не очень-то длинный нос и бросил его в ванночку на стеклянном столике.

— Альберт, — тыча себя в грудь, представился Буратино. — Некоторые наши индивидуальные средства годятся и для маскарада. Еще один фокус в том, что испытуемым (чаще всего это мы сами) приходится пребывать в двух местах одновременно: там и здесь.

По жестам Альберта стало понятно: под "там" подразумевается "водопад", а под "здесь" — лежак.

Пока мой статус-кво окончательно не определили, остановился в гостинице для командированных из других секторов. Искусственное раздвоение сознания оказалось довольно рядовой вещью. Это было началом. Рано или поздно двоение должно смениться умножением, что означало действительно выход за мыслимые рамки. Но название центра "Интегро"! Раздирание на части позволяет здесь кое-чему объединиться. Сейчас об этом лишь намеки. Попытался прояснить вопрос у Альберта:

— И все-таки какова перспектива...?

— А кто поручится, что вы не откажетесь от экспериментов и выберете другое поприще? Вокруг Центра и без того масса лишних слухов.

7. Дюгеды

Я интуитивно чувствовал: конечно, выберу другое поприще, но не в обозримое время. Не в эти пять-шесть лет. А пока рассчитывал чего-то внятного добиться здесь. И вдруг... Однажды попал не совсем в свою тарелку. Двигался внутри здания Центра и проскок нужный поворот, прошел какую-то арку и странным образом не смог остановиться, чтобы пойти назад. Пол под ногами оказался прозрачным, под ним — освещенное пространство... Гигантское! В нем медленно перемещались туманообразные существа, подобные горам. Бесмысленно было причислять их к какой-то форме биологической жизни. Им не требовались конечности...

Вывел из задумчивости хохот. Веселился Аркадий.

— Пospел пострел! — довольно объявил он. — Но это не единственная невинность, которой предстоит здесь лишиться. Дюгеда — этап, пусть не первый.

— Только вот незадача: я удивился только в первое мгновение.

— Пардон! Как-то подзабыл: с этого года кандидатов сюда стали лучше отбирать. Да и Арка у нас умная, кого попало сюда не пропустит. Можно считать: экзамен сдан автоматом.

Что было до?

8. Ante lucem

Средневековщина никогда не интересовала, тем более связанная с религией. Однако изредка, не чаще раза в пять лет, приходилось в нее углубляться. И вот полгода назад:

— Привет! — разбудил меня редактор Терebитько. — Что за "известные гравюры" к сочинениям этого монаха? Кто художник?

— Действительно. Было не до имен. Я пользовался доступом к библиотеке деда. Текст примечания написал лет в шестнадцать и оставил неизменным.

Править, так править. В книжном зале на площади Островского пошли сбои. Слу-ча-ют-ся. Особенно с изданиями XIX века. Иногда не найти шифров, а в бланке ставишь данные ссылки. Тогда вместо Августина вам приносят Иеронима.

А чертовщина произошла с прижизненными сборниками и переизданиями Василия Жуковского! В каталоге — проплешины. Книги продали? Украли? Обменяли? Сожгли в блокаду? Как водится, из каталога для читателей тогда оказался в каталоге для сотрудников, а затем — в основном фонде среди книжных стеллажей. Одинокое стояло дореволюционное полное собрание сочинений. Огромное. Но десятки других изданий отсутствовали.

Похожее путешествие совершил и на этот раз. Но теперь библиограф (прославленный Михаилом Эпштейном поэт-метареалист, скромно печатающийся в "Звезде") пригласил в свой закуток. Да не его этот угол! Пиит попал сюда вместо заболевшей сотрудницы. Что он сделал для оповещения неясно: нажал ли тревожную кнопку под столешницей, надавил ли на какой-то прибор в кармане, но здесь вошла будто с мороза раскрасневшаяся леди с безупречной фигурой, а сам он, не говоря ни слова, тихо-мирно удалился.

— Ох, не его это дело, — объявила дама.

— Публичная библиотека?

— Э, нет! Вдыхать книжную пыль как раз по нём! Я о функциях иноагента.

— Моссада или БНД?

— Назовите еще пришельцев из космоса! А здесь обстоятельства давние. Были у нас в двадцатых годах двадцатого века вполне легальные, но никому не известные диссиденты. Их не расстреляли, не выгнали за границу. А нашли им, черт возьми, достойное применение. Отнюдь не на каторге. Если хотите больше знать, то должны подписать кое-какие бумаги о неразглашении...

Время закрутилось и перевернулось. Ковер забвения вынырнул из тартара и расцвел неосязаемыми сущностями и существительными. Обозначились тропинки из ниоткуда в никуда, а из прошлого в сейчас.

Деталь особенная: задолго до пристального внимания к чему-либо обыденному на этом свете, я знал дюгедов и говорил с ними на беззвучном языке мысли. И больше в первые годы детства. Затем вроде и помнил о них, но абстрактно-неотчетливо и периферийно.

+ +

Замечание. Большая часть содержимого папки № 97 — страницы, покрытые неизвестными символами. Вероятнее всего, это не шифр, а принятое отображение чего-то относящегося к занятиям автора заметок в Берёзовске.

Частьшестнадцатая

Федор играл небольшим, но увесистым магнитом. Если магнит поднести к передней части головы, то направление мыслей изменяется. Ненужные чувства, навязчивые мелодии исчезают сами собой. Но сейчас Федор ни на что не действовал. Он просто подбрасывал магнит вверх, как мячик, и потом его ловил. Играя так с магнитом, Ф. вышел на балкон. На крыше противоположного дома сидели огромные чайки-клуши и смотрели в сторону реки. С вентиляционной трубы

снялся баклан, пролетел над чайками, а затем, оказавшись над двором, юркнул куда-то вниз... Ф. нагнулся, желая проследить за бакланом и увидел на земле лежащего длинноволосого человека в джинсах. Над ним (или над ней) суетились две женщины, подкладывали под голову лежащего сумку. "Где магнит? — спросил себя Федор и не нашел его. — Но вверх никто не смотрит. Наверняка, к бедствию с лежащим на земле человеком магнит не имеет никакого отношения..." Постояв на балконе еще минут пять, Ф. вернулся в комнату.

.....

Послышалась сирена скорой помощи. Федор машинально бросился на балкон. "Ах, вот он магнит! Притянулся к стальным перилам, но почему-то оказался с их нижней части". Обрадованный Федор протянул руку, но вместо того, чтобы схватить этот металлический предмет, сшиб его. Магнит полетел прямо на лежащего внизу человека и вскоре шмякнулся о его грудь. Звук шмячка Федор услышал довольно четко. "Все равно, что пуля! — пронеслась в голове мысль. — Но почему никто не смотрит вверх?" Из подъехавшей машины вышли двое в белых халатах и не спеша пошли к лежащему. Медики склонились над ним, начали его раздевать и щупать. Минуты через четыре один из врачей развел руками.

Вскоре мертвеца положили на носилки и загрузили в автомобиль через заднюю дверь. "Хм... Так убил я человека или железяка попала в готовый труп?"

Федор проснулся. Посмотреть на балкон? Да нет же! Стрелой отсюда! Собрался за три минуты. Никакого лифта! Лестница. Тротуар. На тротуаре куски бетона, осколки кирпичей.

Дворник стоит, опираясь на лопату. В другой руке — метла. Беседует с кургузым мужичком:

— Сыпятся с карнизов куски бетона или бросает кто? Давно бетон сыплется. Да и кирпичи.

Федор мгновенно вернулся за угол. Сделал вид, будто завязывает шнуры. Решил послушать ответ кургузого.

— А не связисты побросали? Что-то там надстраивали.

— То связисты, то пожарные... Двери не закрывают, потом школьники по верхам бегают. Вся крыша обосрана.

— Сказал! А я беспризорников видел.

— Ты про Вилью-грязнулю? Бродит здесь девица в рваном зелёном платье.

— Про нее. Волчонок. Пряма-таки волчонок. Схватил как-то за плечо, хотел урезонить безобразницу — клацнула зубами и чуть пальцы не откусила. Рука только заживать стала.

— Да-а! Лет четырнадцать, а всё в песочек играет. Отбирает у малышей ведерки и куличики печет.

— Говорят, строит из кирпичей конуры, собак в них загоняет, а вход замуровывает. Педагоги и гвардия на что существуют?

— Больно любят эту девицу, отпускают всегда. Вот она не в дурке и не на ежовом режиме. А были здесь из к-гвардии, отмостку и тротуар фотографировали. Сказали, можно убирать. Через сорок минут будет шухер всего дома. Всё прове...

Федор решил ретироваться, пока не поздно. Вышел на дорогу с другой стороны.

Глава 878 · $\sqrt{-1}$

А на кампусе — неудача. Перпедон злой и чуть озорной:

— Откуда я знал! Предупреждать нужно было, что едешь! Теперь уже есть гости. Выгонять не собираюсь.

В качестве иллюстрации из-за занавески высунулась головка белой азиатки.

— ...

— Одну секунду! Подожди! Здесь один приятель скучает в одиночестве, — Перпедон выскочил, не закрывая двери (до ушей Федора донесся неразборчивый короткий разговор) и быстро вернулся:

— Вот! Вот! Место есть. Поторчишь у Тришкина пока я с этой альбиносой многокосичковой стерлядкой разделяваться буду.

— Какая же она стерлядка?!

— Не вобла же! Это ты в жару барышень с холодной кожей *ливом* называешь. Тришкина комната в углу. Ты с ним поосторожнее. Бывает, находит на человека...

— Да знаю.

— Знай. Это знание не повредит. Хи-хи! И Перпедон направился к алькову.

Всё началось довольно мирно:

— Чай будешь пить?

— Можно и чай.

Тришкин поболтал стоявший на полке игрушечный самоварчик, затем тихо щелкнул выключателем на самоварчиковой ножке. А Федор принялся оглядывать стол, заставленный массой всевозможных тяжелых стеклянных посуды, с некоторой опаской надеясь об-

наружить на столе натуральный сандалет или шлепанец. Где-то Федор слышал, что однажды на просьбу подать пепельницу Тришкин снял с ноги тапочек, поставил на стол. И тапочек этот таки использовали небрезгливые студенты... Увидев среди разнообразного посудного бесстыдства — кому нужны восемь солонок и четыре селедочницы? — изященький стеклянный лапоть, Федор неожиданно успокоился. Преувеличивают, поди, напраслину на человека вешают.

Вскоре чайник-самовар засвистел и отключился. Тришкин взметнул руки вверх:

— Да! Забыл сказать. У меня нет ни сахара, ни заварки. — И вдруг подмигнув: — В наличии только *пивные* дрожжи.

"Никому ничего не скажи!" — взмолился про себя Федор.

Не дожидаясь ответа, Тришкин разорвал блистер, высыпал в пустую сахарницу коричневатобелесые таблетки и принялся их толочь и растирать нейзильберовой ложечкой, упирая указательный палец в центр ее эллиптической части.

И вот чай из пивных дрожжей готов. "А ничего вкус, — подумал Федор, — даже приятный."

— Понравилось?

— Вполне.

— Это всем нравится. Недавно делал из солода чаек — тот гораздо хуже. А знаешь, почему чай из дрожжей такой вкусный?

— Почему?

— А я обхожусь без сахара и соли! — зашелся в хохоте Тришкин. — Для чужения вкуса вещей, не надо его забивать! Мы не ведаем, как устроен мир, поскольку

от него занавешиваемся! Искусство, литература, телевидение тем и занимаются, что прячут от нас истинный смысл вселенной, прицепляют свое, несуществующее! Недвижный кто-то, тайный кто-то очень боится времени, когда свободный человек станет йогом-богом. Инстинктивному самосовершенствованию препятствуют подsunутые нам религиозные сказки, философия, наука, спорт и азартные игры — всякая-длякая ерунда.

Федор заметил на подоконнике высокий дырчатый цилиндр:

— Можно взглянуть?

— Сколько угодно. Радиации от таких штук нет.

Ровный цилиндр из желтого металла. Усеян десятками круглых окошек. Внутри? Без ажурных механизмов с шестеренками. Просто мощная пружина между гранями. Федор донельзя удивился:

— Не отгадка ли загадок? Проще этого не видел!

— Сплав, кажется, среднее между дюралем, латуной и титаном, однако, — Тришкин вынул из архаичного настенного отрывного календаря иголку и царапнул ею по цилиндру, — есть там металл вроде олова, но легкий. Подозреваю, в начале цикла цилиндр сжимала страшная сила, а в конце — растягивала толстая пружина.

— Свежо предание! — усомнился Федор. — Искрошился бы! Да и пружина не смогла бы разжать!

— Ха-ха! Да кто тебе сказал, что таинство происходило в комнатных условиях? Или температура была за пятьсот Цельсия, или конструкция обреталась в особом поле. Скорее — второе. Да и сплав того... необычный, отработанные изделия из него на выброс идут. Если существуют железобетон, металлопластик, то должны быть бетонометалл, пластодюраль. Но не пластик затаен, а субстанция хитрая, превращающая плавку лома в

нелепость. Меньше надо братьев Стругацких читать, тогда и пикников на обочине не будет.

— Ну ты учудил! Местный пикник расцвел, лишь только-только у Аркадия Стругацкого усики пробились. Натырено у фашистов чертежей и рецептов, с какими еще сто лет можно разбираться. Да и забыли половину, секреты германских красителей и то ухитрились где-то посеять. Облупливаться всё стало, а старые примусы почистить — поверхность заблестит не хуже новой.

— Смотри в корень! Я больше твоего по Арзамасу побегал. Не от фашистов эти финтифлюшки и не от пришлецов. Эсеры-бомбисты многое утаили. Даже схемы, которые Николай II строжайше велел уничтожить. Уничтожил, дурак, а потом затрещал под напором кузена Вильгельма и революции. А ты — фашисты! Наоборот, они важное унюхали, аж сюда ряженные зондеркоманды присылали. От них низенький могильный курганчик остался.

— Фу на тебя! И на гуманитарную палату! Историю пишут полосатые плуты и пропитанные рыбосучеством караси-идеалисты. Нам не постичь, что было! Вот тебе факт! Спорим, через два дня царапины на металлической желтяшке затянутся?

Здесь Федор обнаружил на блистере из-под "пивных дрожжей" надпись: *Phytinum*.

ИНСТРУКТАЖ

17

...проблема? Все-то соленоид из трубообразной сетки. Без сердечника. Пси-телехия не видит сетки, для нее движение прямолинейное, ускоренное. И никакого вестибулярного аппарата! И чем быстрее она летит, тем медленнее разворачиваются видения внутри неё самой. При этом всё ярче, всё плотнее и реальнее.

— ...?

— Вовсе не вышки. Через 7—8 метров начинаются витки второго порядка, затем третьего, четвертого. Для проскока после старта начало и конец соединяются непроводником, внешне возникает торообразная конструкция.

— ...?

— Не закись, но микроколичества очень редкой перекиси с ксеноном и кислородом. В общем помещении — только гелий. Обслуживающий персонал ходит в скафандрах.

— ...?

— Отрывы случались. Но для сохранения в привычной геометрии требуется вовсе не ТОКАМАК...

— ...!?

— Как раз наоборот! Нечто вроде янтарной комнаты. Со шлюзами и предельно герметичной. Правда, большие размеры необязательны. На первых порах достаточно сейфика.

— Оказывается, не только насекомые могут сохраняться в смоле!

— С насекомыми гораздо хуже. Смола слишком медленно застывала, медленно приобретала структуру. В итоге пси улетала из нашего мира. А мы можем перевести ее из сейфа в покрашенный янтарной субстанцией воздушный шарик и держать на веревочке или пружинке.

— ...! ...! ...!

— До этого мы не сразу дошли. Тратить столько средств! Вы правы, достаточно только представляемого разгона. Но как заставить представлять?

Шпинатный ералаш

Полина заявила, что вчера объелась шоколада и сегодня худеет. В обед она не ела ничего, кроме шпината. Какой необычной была сегодня Полина! Во время утех она изображала шаловливую нимфетку. К концу randevу в голове Тёра возник шоколадно-шпинатный ералаш. Запив его двумя чашками тюбикового кофе, Тёр вышел на улицу. Ералаш в голове не прекращался, в туловище не иссякала нега, два квартала проскочили, не отобразившись в памяти. Вокруг всё было такое, каким и должно быть в раю. Всегда бы так чирикали воробьи, как сейчас, а безлистные верхушки деревьев оставались столь же психоделичны.

Почти и дома. Но что это? Вот профиль жены Ирины в толпе кумушек у самого подъезда. Пройти мимо незамеченным невозможно, а заметит — прочтает по лицу всё. Это она умеет делать! Нужно время, чтобы

внутри осели впечатления. А и не нужно входить в свой подъезд! Дом спланирован так, что можно двинуть в любую парадную — и попадешь куда надо. Гм... Лифт прямо на улице у торца здания. Никогда не замечал. Попробовать проехаться? И Тер вошел в дверь... Кнопки не видно. Они почему-то лишь снаружи.

— Нажмите седьмой этаж! — непререкаемым тоном сказал Тер рядом стоящей дворничихе.

Дворничиха, видно, хотела что-то возразить, но автоматически подчинилась. Минут двадцать назад здесь был бригадир ремонтников и разговаривал с ней тем же тоном.

Кабина тронулась.

— Этот лифт только для строителей! Временный — закричали ковыряющие землю рабочие! — Идет лишь до четвертого этажа.

— Знала я. А нажала! — запричитала дворничиха.

Лифт поднялся до третьего этажа и пошел дальше. Здесь направляющие вертикали оборвались. Лифт рухнул. Правой канавкой он попал опять на направляющую, левая канавка зачерпнула только воздух. Пролетев третий этаж, кабина лифта сорвалась и с правой направляющей, полетела вниз, упала и опрокинулась.

Покореженную дверь открыли ломом, Тер, похоже, разможил или сломал ногу... Его узнали. Ахи. Охи. Гортанные ругательства. Из толпы собравшихся отделились две доброжелательницы и побежали докладывать Ирине. Вокруг нее на северной стороне дома число кумушек утроилось.

— Почему он вошел не в свой подъезд? — задала Ирина вопрос.

Вскоре вопрос отпал. Прошло десять минут, двадцать. А Тер как сквозь землю провалился.

— Куда он девался? Может, его увезла "скорая помощь"?

В то время когда доброжелательницы рванули в сторону жены Тера, рабочие взвалили пострадавшего на сделанную из вагонетки тележку. Сварганенную, как и лифт! Два труженика повезли Тера в ближайший травмпункт. Их товарищи ушли отдыхать в бытовку. А дворничиха сочла за благо исчезнуть.

Ирина ходила туда-сюда по мостовой. Рвала и метала. А вслед за ней, словно рассыпанный выводок утят, семенили кумушки.

Сосиска

Тер ел сосиски, за высоким круглым столом. Напротив Тера, уплетая разрезанную сосиску, стояла румяная девушка. Девушка как-то выразительно посмотрела на Тера. Следующую сосиску она не стала разрезать, схватила рукой, сунула в рот, но ничего от нее не откусила и стала причмокивать сосиской, словно соской... Оболочка сосиски кроваво разукрасилась помадой.

— Хороша сигара? — спросил Тер.

Девушка, не смогла ничего ответить, сильно вдохнула носом воздух и принялась дуть в оболочку. Что такое? Сосиска стала диаметром с сардельку, а затем — с толстенную колбасину. Таких толстых колбасин Тер в жизни не видал. Да сейчас в нос упрется! Тер вырвал у девушки изо рта колбасу и всюю принялся хлестать этим дутым яством девушку по щекам.

Что такое! Что такое? Хохот! Луна. Свет зеленой дежурной лампочки. Тер сидит, свесив ноги, на кровати и всю хлещет подушкой тумбочку. Хлещет и хохочет. С тумбочки слетели небруанные шахматы и шахматная доска. Напротив Тера сидит в той же позе сосед по палате и хохочет, и хохочет.

— Гипнотизер треклятый, — пробурчал, обращаясь к соседу, окончательно очнувшийся Тер. — Экспериментируй лучше в другом месте. Там и банашу свою кури.

Прозрачные винты

— Что ты здесь забыл? — чуть не голосила Ирина. У нас нормальных клиник нет?

— В нормальных клиниках долго держат. Арматура из благородных металлов. Слишком выверяют, прежде чем закрутить. А здесь почти сразу надевают композит. Не мешает исследованию. Всё легко просвечивается, подстраивается и снимается. Смотри, какие винты прозрачные!

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Афанасий Михайлович Тёр. Автор-разработчик проекта "Ипсилон", основатель и ведущий конструктор завода "Тридцать" (штатные должности Главного или Генерального конструктора не предусмотрены Уставом предприятия). Сын писателя Михаила Тёра (Терентьева).

Род. в 1946 г. в Бериевске-6 (ныне Березовск-8). С 1952 по 1959 г. учился в 4-й гимназии. В конце 1959 г. был отчислен за двойки по поведению. С 1961 по 1964 проходил обучение в 17-м нормальном училище Арзамаса-26 (Зеленый сектор). В 1968 г окончил Измайловский политехнический институт (Ближняя зона).

1968—69 — преподаватель в гимназии № 4 Березовска. Той самой, из которой был отчислен. Одновременно сотрудник "Специального журнала теоретической и экспериментальной физики".

Данные о начале работы на Арамасе-26 являются закрытыми. Неоднократно отказывался от титулов и управленческих постов.

ПОЯСНЕНИЯ

В детстве за самоделки и различные эксперименты Тер получил кличку Фарадей, а за нестандартное поведение — Путепровод.

Конкретные причины отчисления из гимназии объясняют склонностью к экспериментаторству и неприязненным отношением двух учителей. Соученики утверждают, что Тёр все-таки не приносил на занятия петарды, взрывпакеты и тому подобное.

* * *

Выписка из досье ОЧКБиА

(Объединенного ЧК Березовска и Арзамаса)

1. В разглашении служебных секретов замечен не был.
2. Сотрудникам ЧК и руководителям к-гвардии следует иметь в виду: Тер Афанасий Михайлович крайне неразборчив в отношениях с женщинами. Четверо внебрачных детей. Местонахождение двух из них неизвестно. Ни от первой, ни от второй жены детей нет.

Существующая дополнительная информация о личной жизни проходит проверку.

3. Не чурается общения с деклассированными субъектами. Постоянное сопровождение негласной охраной обязательно.

Фрагмент интервью с А. М. Тёром

— Всё это интересно, но что такое втягивание топологии?

— Математика переходит грань воображения. Во всяком случае, больше сливается с действительностью. Условно мы можем говорить о втекании мира внутрь себя самого. Такое происходит...

— И вы утверждаете, что можете этот процесс остановить?

— Локально можем остановить, но для внешнего наблюдателя это будет выглядеть как скачок на семь-сот лет назад.

— Втекание, схлопывание... Но ведь вселенная расширяется!

— Вселенной можно называть совершенно разные вещи. Этого никто вам не запретит.

— Я себе могу представить, что не расстояния увеличиваются, а размеры тел уменьшаются. Уменьшаются и линейки...

— Только один из вариантов.

Представление закончилось. Спустились на первый этаж и вышли на площадь через боковой выход. Вторая половина дня. Не так далек вечер. Гм... Мамаша может хватиться. Начнет искать дочку.

— А когда у мамы заканчивается работа?

В ответ услышал только сопение. В глазах — нежелание отвечать.

— А я не хочу чичас к маме, — помедлив, ответило дитятко странным толстым голосом. Хочу оставаться с тобой.

— Ну и отлично! Прогуляемся! *(А ведь к подъезду мамашиного учреждения можем не успеть...)*

— Этот проспект слишком длинный!

— Да что ты! Впереди тупик. А внизу — один перегон подземки.

— Нет! Давай свернем направо.

— Хоть направо, хоть налево — раньше или позже поворачивать придется. А посмотри — видишь в арке девочку с соколом на пальце?

— Это сапсан.

— Разбираешься. А барса от гепарда отличишь?

.....

Устала. Вести за ручку перестал. Толкаю низкую тележку-коляску. Приходится несколько сгибаться. Раньше возил чадо больше на санках. Только какие сейчас санки!..

.....

Хм... И на тележке не хочет ехать! Придется нести на себе. Вешаю тележку на локоть.

.....

Ого! И на плече не хочет сидеть. Просится на ручки. Что делается! А легкая какая! Неужели у нее такая поп-ка маленькая...

— А что ты так пригорюнилась? В туалет не хочешь?

— Не-ее-ее!

Вдруг возникла в голове необычная мысль и спросил прямо:

— А сколько тебе, дочка, лет? Ты родилась в **году. Значит сейчас тебе...

— Тридцать емь лет, — четко ответило чадо, — а мама не работает, мама не...

Мир осыпался и пошел хлопьями. Да! Давно не было подобных видений.

* * *

"Из какой это жизни? — задал вопрос Тёр. — Из будущей? Из этой? И какая такая дочка? Первая? Вторая? Третья? Самая закомуристая? Но вовсе не та, которую назвал литовским именем... А-а-а! Как стало у брюхо надувать пришлось разбираться с потенциальным тестем, а-артистом бо-ольших и малых погорелых театров. Записным браконьером. Пришлось ему подарить снегоход для охоты. Иначе было, хи-хи, не разъехаться. Не-е-т! Не закомуристая! Актёришка разогнался на технике и сорвался с обрыва. Поди, дедусей не успел побывать! Ох, и вру я, наверное, вру!"

...тащили снегоход из топи краном. Так и кран туда полетел... Берег оборвался и поехал... И еще. И еще. Накрыло. Где кто есть? Да что это? Перемена души. Перемена духа. Перемена места... тот свет... Рокировка с браконьером... кремалье...

Сигнал тревоги!

Кремальеры четвертого участка, черт возьми! Что с ними?!

Из разговоров Григория Ц.

/По прослушке/

— Да сколько же ты болтался в компустиках?

— Не столько в компустиках, сколько в висяках!

— Не решался что выбрать?

— Здравсте-мордасти! А ты знаешь заранее, куда надо переключать? Астрономы много воображают, но мало знают. Нельзя ориентироваться по их звездным картам. Пространство только кажется однородным, фокусов в нем хватает.

— А после обнуления сверхплотность и давление? Кокон должен лопнуть...

— Не обнуление, а секундирование. Иначе и выбрать нечего. Привязать куда-то ноль невозможно. Процесс создается оболочкой кокона, внутри — обычное пространство. Прыгаем уже после нормализации обстановки, а это уже и не прыжок.

— А тогда откуда подвижки десять в энной степени?

— Вторая сторона нивелиции координат в прогоне самого первичного облачка, а не аппарата.

— Хи-хи! Сверхнаносверхнанонано...

— Это проблема бота, а не наша. Еще чуть-чуть и висяки уйдут в прошлое.

Субпролог минус 17822317 лп

...пылающая дыра тама, куды ворона с ломаным крылом привела. И округ дыры ворона: прыг! прыг! О тверды краи: шкряб! шкряб!

Фома-то Крыжак подходе к дыре отой, задрожав, увес забившиси. И че несет оттудова! Индо полымя, ыскры. Ворона: прыг! прыг! Ближе, клюво раскрыла. А! Да тут и Крыжак, не памя ся, не бежать принявши, а в горящую дыру сигану. За вороной вослед!

Как вышед — не зна сам. Но ворону в шуйце держа. А ворона-то "Карл-лл!", "Кар-рр-ллл!" Проясняше в глазах Крыжака. Вспомне он всё, да тут упаде на земли, кататися начати и ворону упусте. А птица та — "Карр-лл!", "Каррлл". Хвост подверну, крылом махне, да и сдохла. А Фома головой кача сё, кача.

— Что, Фома? В своем ты уме? — пытаюши у него.

— В своем, в своем, — отвеча Фома, одежи отряхая, по тулову стуча. — Горю, православные, горю, да дыма и полымени не вижу! Яко угли на мене каменные пылають, яко железо адское в рёбры тычет.

Л. И. РУЛЬЯНОВ-ЕНИН:

Я един в трех копиях. Две сделаны из живого вещества, очень витальны, но невменяемы, а потому отстранены от дел. То они плачут и воют, то от злости скрипят зубами и разбивают кулаки о стену. Сам я — Жестяной Дровосек без топора. Органические копии никто не собирается убивать и захоранивать. Говорят, они для чего-то нужны. Будто бы стальная копия, то есть непосредственно я, без них потеряет некую "пассио-нар-ность" Дурацкое антинаучное словечко! У Питирима Сорокина слямзили?

Объясняют: мол, сами себя называете Жестяным Дровосеком...

(Хи-хи-хи! Железного Феликса продолжать-воскрешать не собираются, чего-то испугались!),

...а дровосеку из сказки не хватало того, что в средневековом смысле именовали сердцем. Так те биологические инвалиды ваше выносное сердце и есть, как вы для них — выносной ум.

Гм... Остолопы! Завалили хрестоматиями по истории XX века. Попросили высказать экспертное мнение. Как де аллигатора Сталина оцениваете, отмену НЭПа — мы писали это строчными буквами! — коллективизацию, террор 30-х годов. Тощего хряка Хрущева, теленка Брежнева, подкаблучника Горбачева...

Чего захотели! А сами где были? Так я вам разжевал и в рот положил! Может еще Зюганова на кресте вам распять? Не я его крестил и "воцерковлял" (в нынешнем смысле!).

Враки всё! Враки! Не верю вашим бумажкам! Там балбесы Свердлов с Дзержинским покушение устроили, а для прикрытия вонючку Каплан выставили. Из-за Брестского мира! Ишь ты! А до того? Я балалаечника Троцкого просил тянуть время и не жмотничать. Да! Жаба его давила, но фразы: "Ни войны, ни мира, а армию распустить" я отродясь ни от кого не слыхивал.

Хрестоматии эти барон Мюнхгаузен составлял! Как в былые времена тот лукоед-гардеробщик из Публичной библиотеки в Петербурге думал? Хрестоматия — от слов Христа материть! Хе-хе-хе!

А статья о партийной организации и партийной литературе? Ее применили ко ВСЕЙ литературе. Плюс ко всей гражданской истории. Непостижимые дураки! Невосполнимые утраты... Мисюсь, где ты?

ЯКОЛКА

...четыре года мне было тогда... Скопца никогда не видел. Этот лежачий больной лет девяносто назад продал свое достояние немецким медикам. Долгое время всё крутилось вокруг него. Павлина, его сестра, выращивала у восточной стены двора лекарственные растения — летом запах мяты чуть не сшибал прохожих с ног, — по утрам выискивала на рынке некую особенную только ей известную снедь... Скопец внезапно запросил кисельку. А получив его, выпил, вытянулся во всю длину, еще раз потянулся и умер.

У дверей пахло ладаном. Душа долгожителя висела высоко в небе и отражалась в большой весенней луже. На стенах заброшенной стены выступал чахлый мох, мох. Постучав палкой по кирпичам, я с размаху рубанул ею весеннюю лужу, по воде пошли круги, взмутилась грязь и пошла узорчатыми галактиками, многими мирами в несчетном множестве серых оттенков. Я принялся вращать воду то по, то против часовой стрелки. Уж куда там галактикам! Возникло нечто объемное и величественное. Закрутились такие спирали, что не надобна оказалась сторонняя помощь. Лужа стала живым дышащим существом, богом в себе. Именно тогда нечто и родилось, предназначилось будущее, узоры самодвижущейся глинисто-черноземной суспензии стали многому чему общими.

"А это лучше, чем огонь!" — думал. Слышал краем уха о том, как образовалась вселенная, и захотелось тогда в четыре года породить вселенную самому. Вырою в земле яму, расплавлю там железо, нагрею до ...иллионов градусов.... Возникнет целых пять вселенных. Только как расплавить? Как нагреть? Чем нагреть? А ведь если бы нагрел на самом деле, то вселенные и возникли бы. И все-таки вспомнил тогда, что значит слово "нагреть" еще. Чтобы родить, нужно обмануть! Иначе ничего не получится! А эта муть, муть, муть, черно-серая глинистая жуть, идущая завитками сказочных украшений богдыханской кареты, спиралями, кольцами — она никого не обманывает...

Много-то я знал тогда! Лет с одиннадцати стал ненавидеть слово "спираль" из-за ввозимых материковых книг на русском языке, их дурной многолектики. А у кого-то лет через двадцать стали рождаться мертвые и живые дети "со спиралью" в голове, потом стали

протухать от спиригиры и спирулины аквариумы... Это не нравилось таракатумам! Они переходили в область сновидений и там перелетали из одного аквариума в другой.

Междусловие 735-17

Всё очень ясно видно:

взорвалась галактика МҮТ-402 и улетела к Шестой
Диамантовой горбушке, испарилась;

сверхмассивная черная дыра F-17 Небулы-5 съела
голубую звезду у про.....ции Бета Скорпиона;

высокоэнергетический рентгеновский луч, испущен-
ный объектом Z-89906 расплавил три планеты системы
Проциуса...

Через сколько тысяч лет об этом узнают земные аст-
рономы? Это вовсе не смешно. Нет будущего и про-
шлого. Время — нечто вроде мочала, прикасающегося
к разным точкам кожи. А физические объекты? Их во-
все не надо продлевать или считать чем-то существен-
ным.

СПБ. ПРОБЛЕСК

Это не Березовск, не Арзамас. Я у себя дома пере-
бираю те бумаги, что еще не отправил загород. Минут
сорок назад встретил короткую заметку, от которой на
мгновение уму явилось нечто непрожеванное, но вы-

разительное. Я весь словно бы оказался в ином пространстве-времени. Удивительнейшем!

К сожалению, это впечатление перебила плоская обыденная мысль: видно-де, не зря соседка Ревякина отдала ключи от сезама именно мне, надо было у нее сразу... Сразу? Она ни при чем. Только выполняла поручение. Ох! Одна направленность внутрь памяти убила другую....

Мне захотелось восстановить промелькнувший поперек сознания туннель. Что я тогда читал? Не спал же, не видел сновидения... На столе — пласты разрозненных бумаг. Кандидатом может быть и эта запись, и та. Дело-то не в следовании слов и предложений, а в возникшей ассоциации. Сами изложенные на бумаге описания слишком просты и незначительны.

Был. Был. Аромат нежданно-негаданных воспоминаний. Взрыв аромата! Похожее со мной случилось раньше только один раз. Я тогда шел по набережной недалеко от устья Фонтанки. Мелькали мысли, интенции. И вдруг все они исчезли. В огромном окне пустого представления явилось жёлтое лимонное семечко. Ярче, чем наяву. Лимонное семечко внутри клубка сияющих, полупрозрачных и словно парящих сфер. Пронзило вкусом разгрызенного лимонного семечка и одновременно — водопадом где-то и когда-то прожитых жизней. Чуть-чуть, но вполне отчетливо закачало стальные столбы, как деревья при ядерном взрыве. Громко выстрелил глушитель зелёного военного автобуса и шмякнулся на мостовую... Возможно, именно эта свистопляска и отвлекла от сути.

Но час назад ничего похожего во внешнем мире не было. Полная тишь. Бумаги, бумаги, серое небо за окном — ничего особо выразительного.

2

Перерывать все бумаги не захотел. Но ведь резонансы с их содержимым чувствовал и раньше. Взять хотя бы рассуждение кого-то о Шахматной площади, купцах-основателях и галках. Правда, похожее рассветное "карр-лл!" у меня сопровождалось звуком колес разворачивающегося трамвая. И в тот момент полусна я думал не о Махе, а о Беркли и Брэдли. Жители Берёзовска иногда ходят по окраинам мимо какой-то узкоколейки, переходят ее. Стоп! Стоп! Как меня сразу не насторожило это слово "узкоколейка". Что-то слишком близкое и знакомое. И никаких ассоциаций с дорогами ленинградской промышленности... Станным образом вспоминается полужанесенная снегом УЖД, идущая к арочному мосту, остовы сгоревших дачных домов, водонапорная башня. Или приснилось всё это? Как бы уточнить?

Стандартно в чрезвычайных случаях для прояснения воспоминаний подключают гипноз, но гипнозу не подвержен, со спецами в этой области давно порвал связи. Одна проблема вроде бы преодолима с помощью пиона, валерианы и тому подобного. Другая? Нужно кого-то поискать.

Лучше набрать в поисковике "лечебный гипноз" или просто "гипноз"? И то и другое плоховато: первое слишком заточено, при втором можно нарваться неизвестно на кого с липовым сертификатом или без такового. И лишними расспросами! А не проще ли внушение?

Лишний контроль никогда не помешает. Тогда и вале-риана не потребуется.

Набирал в Гугле "Гипноз и внушение", "Услуги гипнотизера". И многое что похожее набирал. В ответ приходила одна чепуха или вовсе ни к чему не годное.

Но подойдет это: "Методика погружения в самогипноз с целью вспомнить".

Пусть будет даже не самогипноз, а медитация. Не откладывая в долгий ящик, провел с перерывом в час два сеанса. В них-то и пришла в голову ключевая идея. Оккультисты пишут записки, потом бумагу с ними сжигают. С пеплом поступают по-разному. Но можно превратить текст в осциллятор.

Написал на картоне задание жирным простым карандашом. В тексте есть белые места. Но и если бы он был непрерывным, вышло бы сопротивление в несколько мегаом... Заштриховал у начала и конца записки квадратики под электроды-зажимы. Для уменьшения сопротивления и преодоления пробелов посыпал бумагу с текстом слегка смоченной питьевой содой. Она мельче доступного хлористого натрия, ее легче равномерно распределять, растирая между пальцами. Выставил на корпусе генератора 96 герц, вторые электроды подсоединил с помощью пластыря к вискам.

Можно начинать видоизмененную медитацию или самогипноз! Во время их проведения уточню пусковую частоту. Конечная частота будет меняться сама по себе за счет подсыхания бумаги и соли.

+ +

Три сеанса прошли с явлениями, что бывают в дремотной фазе сна.

Во время четвертого сеанса увидел людей в алых скафандрах и самого себя голенького внутри хитроумного устройства, отделенного от ряженных двумя стеклянными барьерами. Но чисто телесно это словно был и не совсем я. Одновременно во мне шла свистопляска с видами какой-то частично обитаемой планеты. Ее ландшафты были интересны не столько красотой, сколько необычностью. Лиловатые существа-камни изображали собой математические перестановки и были чем-то наподобие домино.

В оборудовании и помещении я опознал Доуэль-центр Берёзовска. Иного и быть не могло.

Итак, формально я будто бы весьма подходил Берёзовску, но обычным образом никогда в нем не был. Меня никто туда не приглашал. Однако некоторые психотронные организации Берёзовска каким-то образом... наматывали мою душевную самость на свои виртуальные катушки и подмешивали тем или иным жителям Берёзовска и Арзамаса.

Именно поэтому свои стилистические повадки и неологизмы я не раз обнаруживал у нескольких сторонних субъектов сразу. С другой стороны, что-то из восприятий берёзовцев смутно передавалось мне. От того краденые документы меня не слишком удивили.

Кроме того, получалось, что брат Ревякина (я его видел пару раз и только мельком) некогда через свой надзорный Пи-3-дзет смог меня вычислить.

Незримая пунктирная "узкоколейка", связавшая меня с Берёзовском, уже предсуществовала. Ревякинский сезам сделал ее реальнее. О! Теперь постараюсь не лезть ни в Доуэль-центр, ни в прочие психотронные конторы. Наверняка разоблачат! Буду через свое

устройство напрямую общаться с индукторами-реципиентами, что имели наглость, пусть не по своей воле, забираться в мои мозги.

ЛАПУТА́

Обновленный УШ помог и на этот раз. С людьми. Но общее окружение...

Обычная улица. Немного похожа на декорацию, часть огромной табакерки. Однако нечто весьма странное. Неясно что. Ощущение опрокидывания пространства. Пяти-семиэтажные каменные дома. Дворцовый стиль ретро. Вечер. Вдали — открытый горизонт. А Луна раза в четыре больше возможного... Голубая? Да не Луна это! На небе — глобус, земной шар, лежащий на боку. Всё выдал Аравийский полуостров — иначе было не догадаться. Видна Африка, Индийский океан.

— Теперь понял, отчего такое название, — произнес Георгий. — Но зачем?

— Почему Лапутà? Меньше объяснений. Ухо гуманитариев привыкло. Не надо зря говорить: де это — не планета, не метеорит, не космическая станция. Ударение на последнем слове никого не сбивает. Кстати, не остров! Если о геометрии, то — у нас идеально правильная сфера!

—....

— Да! Инженерам и прочим похожим приходится разъяснять подробнее. Но в меру. Их сложно отучить от корпускул и небесной механики.

—..?

— Планетоиды не бывают такими маленькими. У метеоритов и станций — нет атмосферы. А у нас искусственное притяжение ноль семь же плюс атмосфера. Не без фокусов. Зато легко дышится. Легко ходится. Мы видим Землю, Земля нас — нет.

—....

— Волны всё. Волны. Такое существование — волновой природы. Или лучи. К примеру солнечный зайчик в ручье. Увидеть его можно при определенных углах зрения.

— ..?

— Мы и там. И — здесь. В трехстах и более местах сразу. Мы — как бы осколки голографии. Через Лапуту спокойно пройдет метеорит, космический корабль, а нам — ничего от этого. Катастрофы не страшны. Верх защищенности. Да и в чисто физическом смысле можем никого не пустить, если захотим.

— ...

— И электромагнитные, и гравитационные поля — ничто для нас. Не сдвинут. А если бы сдвинули — разницы никакой.

— ...

— Наши секреты о защите от радиации храним чрезвычайно строго. Было бы слишком жирно их выдавать. Да и в связи со сказанным ранее...

—

— Почему вокруг Земли? У Земли? А зрелище-то хорошее! Земля часто бывает красивой. Правда, и страшной временами выглядит из-за вихревого нагромождения облаков. А это для остратки! Не всё коту масленица! Хм... Могу и поделиться: Землю мы сами расцветиваем и подсвечиваем. Кроме того, от нас она смотрится гораздо лучше, чем из межпланетного пространства.

—

— Проститутки? Пута. Путы... А у Свифта что на этот счет? Не вы первый. Чем хуже созвучие с "лабуда"? Таков наш аттракцион. И весь мир.

ЯКОБ-33⁵

СУЩЕСТВА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ БАЛКИ

Эта балка — вовсе не балка, а небольшое ущелье. Она сложена из твердых пород. Внутри нее — поселок. По дну проходит дорога с аккуратным обводным ручьем посередине, по пологим склонам можно видеть редкие одно-двухэтажные дома. И все-таки чаще, чем людей, в поселке можно встретить совсем других существ, хотя дома, предприятия, дорога — обычные, людские.

Долго проверять не пришлось. Я шел по дну балки. Навстречу с верещанием выскочил маленький черный "человечек". Явный гуманоид. Голый, росточком сантиметров в сорок-шестьдесят. Худенькое тельце я особенно не рассмотрел, голова выглядела какой-то по-

⁵ По всей видимости, название этой и других похожих главок восходит не к имени, но к словам "я" и "якобы". Один из авторов-героев не пожелал себя назвать. Ср. с над- или подзаголовками "яколка".

мятой, неправильной, постоянно меняющейся. Он повернул налево в отрог балки и исчез. Поворачивая, он оглянулся и посмотрел в мою сторону. Ну и лицо! Карикатура! Так изображают человека, ударенного током! Минут через десять я увидел транспортное средство существ. Это была летящая по воздуху грубо сработанная ракетоподобная трубка. Летела она довольно медленно и тихо верещала. Вскоре появился второй обрезок трубы. На нем хлопали крылья бабочки. Похоже, только для красоты. Увидев третью трубку, я задумался. Все эти аппараты перемещались в воздухе, словно каракатицы в воде, обладали плавучестью... О, бог! Да как в эти трубки, диаметром 5—6, сантиметров помещаются существа ростом в полметра? Летячки у них, видите ли. А сами живут в норах и бегают голышом! По голосам не отличить от сверчков!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

...Федор бежал. Федор несся. Куда? Гм-м... Не к ней! Нет! Наплевать на куски бетона, асфальт, дворников и шорников. Чего?? Дверь приоткрыта... Вошел... Полный погром! Не-е-е-ет! — Не гвардейцы здесь были! Семечки, семечки, повсюду шелуха семечек. Фр-р-р! Вознеслись эскадрильи моли от оставшейся одежды.

— Пи-пи! Пи-пи! Пи-пи! — подала жалобный голос мышка, привязанная за хвост к ножке кровати.

А мышка-то обожралась! Кругом — объедки. Бутылки, бутылки, но только от лимонада и всего такого. Признаков алкоголя нет! У другой ножки кровати — собачье дерьмо, пахивает собачьей мочой. Похоже, воры выставляли охрану от других воров! Нехило!

Техника? Техника украдена, кроме радиоприемника, на нем нажаты все кнопки, но у взломщиков он не включился. Федор таки включил приемник, — и раздалась песня под торжественную музыку "Славянки":

Тишина на Ивановском кладбище,
Голубые туманы плывут...

ВОГНУТОЕ ЗЕРКАЛО

Заныла спина от долгого сидения за письменным столом. Я поднялся, начал делать упражнения, встал на носки, вытянулся. И тут выше меня оказалось ничего не отражающее ненужное вогнутое зеркало. В нем шли колебания в такт моим движениям.

"А не впаду ли таким образом в гипнотический сон?" — пришла в голову мысль. Но мысль благополучно ушла, и я погрузился в мелькания, вызванные словно бы колеблющимся неправильным зеркалом. Постепенно я перестал сопоставлять сверкания с окружающими предметами, видимое как бы размылось, в

зеркальных блесках увидел нечто вроде окошка, в нем — угол здания с башенкой-ротондой. Здание очень знакомое, много раз виденное, но что оно? Вспомнить никак не удавалось.

Когда-то я много раз сравнивал эту башенку с главной частью детской музыкальной игрушки: из центра барабана со стенками из металлических прутьев торчал изогнутый в виде молнии прут-рычаг, сходный с пусковой рукояткой (ломиком-заводиловкой) древнего карбюраторного двигателя. Теперь же я помнил только выломанный из игрушки барабан, но не саму игрушку, не ее внешний вид... Она что-то вроде шарманки? Вряд ли, хотя по принципу приведения в действие очень похожа. Звучание? Какое-то очень грубое, приглушенное. Кто додумался подобное делать для детей!

Я отчетливо вспомнил запах поделки, не совсем приятный пластиковый и даже конфетно-парфюмерный, резкий, но привлекающий, заставляющий нюхать еще и еще, что-то там скрывающий в себе потаенное, необычное.

Закрыв глаза и начал представлять картины, действия. И те и другие расходились по разным руслам, я вплывал, влетал в противоположности, в быль и небыль.

Толчок — и за один миг протащило по квинтиллиону пространств, всунулся в некий высший мир, в верховную точку, из которой можно созерцать абсолютно всё. Но она самодостаточна! Ей ничего не надо! Нужно брать этажами ниже.

И да, и ах! Спустился и оказался много ниже той самой заветной башенки. А только-только был прямо в ней. Даже упирался в ее привод-стартер, но не подумал его покрутить.

Угораздило же меня завести глупую мельтешащую вселенную десятки лет назад — тогда, когда мне было полтора года!

Параграф минус 134/17лп

ИЗОГНУТАЯ ЧО

(Дело № 5798 К.

Отрывок из записок Ильи Кретьова)

Игрид я встречал дважды и оба раза — гуляя с собакой. В первом случае собаку спасти не удалось. Почему-то увидеть этих существ удается только мельком: слишком быстро они "надвигаются". Да и как они надвигаются? Вопрос. Пожалуй, у них и ног нет. Похожи они на вставших на хвосты и набычившихся внушительных черных рыб, идут в количестве одна-две. Способ их перемещения — проскальзывание-квантование. Не утихли дебаты о том, сколько их появляется: по одной? — по две? — по полторы? Сложно наблюдать за этими убийцами; нужно осторожно выглядывать из-за

препятствия: обрыва реки, холма, заросшего кривыми деревьями болотца. Вначале возникает чувство ужаса и затем — в качестве его зримого воплощения — сами игриды: молчаливые, молниеносные, пришедшие с того света. Но чтобы умереть с их помощью, не обязательно их замечать. Часто исчезают за просто так люди и животные. И главное: следов не найти! Поди, докажи.

У игрид нет слуха и обоняния, видят они исключительно впереди себя: лежащее на пути их движения и не более чем метров на пятнадцать. Поэтому жизнь на планете еще не прекратилась. А впечатление, оставляемое ими! Удар током, укол булатным ножом в сердце. Для многих неподготовленных — беспомощность...

— Игриды — оболочки. Ядро спрятано где-то вне них, а это отрицательная масса, — изрек Т.

— Антивещество? — переспросил я.

— Хо! Другое, но задрапированное...

— Да ерунду говоришь! Мчатся должна отрицательная масса вон. И с третьей космической скоростью!

— Даешь! Забыл об оболочках! Отрицательной массой, за здоровеньки булы, окажешься ты, когда игриды тебя слопают! И полетишь отсюда вон в неизведанную степь! И скорость у тебя будет тридцать третья метафизическая!

Мысленно я послал приятеля к черту. У меня был хороший нюх на белиберду. Однако в протараторенных утверждениях Т. промелькнула скромная и весьма маловнятная идея. Само собой, естественная геомагнитная скважина близ Старого Сугримска, обрамляющие ее холмы особенно привлекательны для игрид... Пусть гораздо реже, зловещие твари бродят по всему

земному шару! Никому и дела нет! Дайте, господа, музыку Рихарда Вагнера!

Из записок Эльдара Мостицина

17 брюмера

Человек — ходячий мешок с говном и мясом. Людей, подобно улиткам, непрерывно обуревают всевозможные чувственные обманы, например именуемые словом "любовь". Из-за подобных улыбок эволюции рано или поздно в каждом человеке поселяется ящер.

Для различения ящерицы нужно добыть объектив ($F = 77$ мм), сфотографировать человека с расстояния в тридцать пять шагов и тщательно рассмотреть фотографию под увеличительным стеклом. Процедура будет успешнее, если вместе со взрослым фотографируются дети: тогда отличнейше видно: в детях до девяти, изредка до девятнадцати лет ящера еще нет, а в родителях он зримо присутствует. Расстояние в тридцать пять шагов довольно приблизительно, поскольку названное длиной шага на самом деле ширина торса, а пресловутые 35 шагов — эта величина, умноженная на одиннадцать п. Теперь вы поняли, как ларчик открывается?! Если требуемое расстояние окажется точным, можно увидеть такое, что глаза на лоб полезут.

Какой-нибудь там физик или математик лукаво спросит: "А какая-токая точность требуется?" Вот нелепость! Пусть он возьмет единицу и разделит ее на 11 п. Допустимая погрешность становится известной! Проще пареной репы. Только вряд ли он станет заниматься вычислениями. Больно ленивы теперь эти ученые.

Случайно мне в кадр попадались и старички. Ужас какой! И все-таки немало любопытного можно узнать. Ведь не пойдешь и не ткнешь со всего маха старику в грудь пальцем в расчете на труху. А иногда залезает в голову озорной вопрос: "Ленин-гриб там или еще нет?" Расстояния — золотые сечения — существуют и здесь. Иногда глядишь и видишь, кто эта перечница, похожая ни Пиковую даму, в будущей жизни: попугай жако или крапива двудомная.

Именно после тридцати пяти (магическое число!) многие тетки начинают напоминать ведьм, при этом чем дальше — тем больше. С некоторыми это не происходит, но где-то после сорока их начинает разносить: вначале чуть-чуть, затем ужасающе. Голова становится огромной, физиономия и область таза широкими... Что за манера? Поимели бы совесть, черт их дери! Вероятно, в них поселяется кракозавр. Кто просил трескать пирожные? Впрочем, ходите, как хотите. А коли впечатление решили произвести, то нефиг изображать из себя болонок. Конечно, рыхлость и тучность вначале отталкивают. Даже в холодной России. Однако существует возможность слегка поиграть в неолит! С третьего раза кому-то понравится. А дабы кандидаткам чуть приблизиться к тем древним матронам, нужно носить всё тёмное и в обтяжку. Нечего превращаться в картонный короб! А волосня на голове должна быть чёрной, распущенной, без стрижек: ближе к природе. За-

будьте про каштанок и блудинок. Проблема лишь с жопой. Так прикройте напусками-выпусками. Даже в двадцать пять действительная эротика в этом месте мало у кого проглядывает: по большей части впечатление клозетное или мясокомбинатное. Не льстите самим себе. А если райски повезло с генами – в любом возрасте выставляйте нарочно, пусть глаза у всех полопаются.

Ги! Что это нашло? Не подвизаюсь комиком на сцене. Гм... А ведь вылечивал иногда, тихо изгонял из баб ящеров. Когда незримая скорлупа была тонкой... А не наоборот?

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.

Шутки шутками, но идея рептилоидов оказалась странно живучей. По правде говоря, портреты в картинных галереях, музеях, на выставках, в альбомах всегда внушали ужас. Видимо, такое ощущение испытал бы инопланетянин. Портреты, бытовые сцены по большей части никогда не считал произведениями искусства. Изображения расфуфыренных персон XVIII века? Там какие-то неизвестные науке крокодилы! Затем. Что такое "Бурлаки на Волге"? Гора мяса! А самый вид человеческого скелета или одной черепашки? Ведь он на что-то очень внятное намекает! Пусть на тайное и спрятанное за семью печатями. Что это за планета Земля? Что за чудовищное место! Не является ли гнусным надувательством самый акт рождения здесь?

20 брюмера

Смысл жизни. Смысл жизни... Не идиотизм ли рассуждения на эту тему? Главное-то — пересмысл. На

деле мы занимаемся пересмысливанием и ничем иным. Именно пе-ре-смыс-ли-ва-ни-ем, а не "пересмысливанием".

Всё это — переливание из пустого в порожнее. Интересная игра.

2 фримера

Где-то у 20% мужчин душа покоится прямо на диврашке. Женщины это сразу замечают и начинают нацеливаться. Отъесть ее оттуда очень удобно. Именно поэтому они положительно относятся к увеличению размеров живота у мужей.

6 фримера

Чем занят человек? Бесконечным самообслуживанием. Хоть повесься из-за необходимости каждый день брить бороду. Дурь. Ослепление. Гонка. Глянь-ка на любую площадь любого города. Люди не лучше муравьев. Хуже, поскольку не заслуживают сочувствия. А если смазать кадр? Если снимать со слишком длинной выдержкой... Призрачное возникает ощущение. О чем говорят размазанные фотографии? Вовсе не о движении. О тайне. Вот-вот чуть-чуть – и всё станет ясно! А расфокусированность? Чего ради когда-то вошли в моду Сезанн, Брак, Руссо?

В каждом трепете осинового листа есть невидимый выход за положенные пределы. Передел – во всякой очерченности.

13 фримера

...Да известно, кто-что (раскудахт!) там сидит! Паразит этакий, варганящий метagalактики! Но не

18 фримера

А что там было 13-го? Опять поленился записать, а потом забыл? Никто не варганит. Дело не в метагалактиках, а в прирожденном взгляде, направлении его. Откуда он такой пригвожденно-прирожденный? Это другой вопрос. Козлу понятно, природа возникает при родах. А до того ее нет. Возникает она всегда внутри, а не вовне.

14—14 К

На закрытом пляже

— А кто это там? — Николай увидел толпу странных заголенных людей. У многих вываливались языки; лица, фигуры были перекошены, у некоторых вместо рук-ног — протезы. Несколько человек — в инвалидных колясках. Другие — в корсетах. И все же почти все субъекты на тусовке выглядели страшно довольными и многомудрыми. — Что это за уроды? Чему они радуются?

— Второе пришествие. Мертвецы вылезли из могил и принялись одеваться плотью.

— А на самом деле?

— Все это физики-теоретики плюс представители неклассической математики... — ухмыльнулся Ц.

— Производственные травмы от карандашей? Или от мелков, которыми пишут на доске?

— Перед тобой — неумные романтики большой науки... Ничего более.

— Слышал. Что-то слышал. Это и есть итоги массового производства гениев? Но не знаю, каким образом их делают из обычных людей... Методом Прокруста?

— Именно. И Хруста! И Прохруста...

— И все-таки в чем там соль?

— А соль вот в чём. Для умножения умственных способностей в мозг вставляют капсулу с особо чистой водой. Чем больше капсула — тем гениальнее становится ее обладатель. Но когда вставляют капсулу, так разрушают участки мозга, через которые ее вводят. Если бы не новые методы, не заморозка ничего бы и не вышло. А в конце — помощь биохимика Причинникова.

— Того, кто проводит регенерацию млекопитающих?

— В том числе и человека. Без Причинникова — фокус бы провалился. Перед нами были бы не гении, а овощи.

.....
.....

ЗАПАЛ

На скате крыши Вилья заметила доску. Один ее конец был привязан. Хорошо! Заменит скамью. Можно спокойно сидеть и не опасаться, что сорвется. Но Вилья не захотела отдыхать, взяла свободный конец и стала его двигать как часовую стрелку. Так. Так. Чего-то не доставало. Что-то было не так. Наконец Вилья уперла конец доски в торчащий из кровли огромный крюк. Крюк вдруг завибрировал, внизу на чердаке что-то за-

ходило ходуном. Хм... Откуда-то с конька крыши сорвались два кирпича и ударились в доску. Хм... Вилья дернула за привязанный к крюку провод, крюк отогнулся. Доска сорвалась. Кирпичи полетели на широкий тротуар. Бросившись ничком и схватившись за приваренный к крыше кусок лестницы, девушка глянула одним глазом на тротуар — другой глаз зажмурился сам собой от жути. Желтые кирпичи упали на тротуарную плитку и раскололись. Прохожих нигде не было. "Четыре часа утра..." — произнесла шепотом Вилья.

Эпизод Ц-3774

Напрягся. Напрягся. Сосредоточился. По правую руку появился титан с ослиными ушами. Существо грозное, мощное, ехидное, серо-сумрачное. В ширину оно узко, сантиметров семьдесят, а с высотой творилось невообразимое: фигура — не меньше четырех метров, но и не выше двадцати. Морда титана не звериная, не человечья, именно мордная, как ей и подобает, а тело оказалось почти неопределенным. Было что-то похожее на плечи, прочее недорисовано, словно бы соткано из дыма. Рядом с инферником М. воспринял себя увереннее. Гигант виделся не глазами, дистантно ощущался кожей и головой.

"А по левую сторону?" — И в тот же миг по левую руку вынырнул титан с мышинными ушами. И в остальном он несколько другой, чем первый, но чуялось между ними общее, негеометрическое, бестелесное, пусть духи и противоположности.

И постиг М.: теперь он защищен от любых козней, прозрел могущество свое и грядущую власть.

* *

— В России что?

— Ландау не так лечили и не от того. Королёва за-резали.

— А на заре карьеры графином по челюсти! У нас в чем проблема?

— У нас вместо медицины есть известная штучка... А толку? На главный мозг Арзамаса сбросили кирпич с крыши. Был человек, стал думающий препарат.

— Оборот!

— Боюсь, переворот! Иероглифы на экране плохо расшифровывают. Соединят неправильно две закорючки и будет вам киже!

— Такое киже в Сибирь не пойдет.

— Не пойдет. Зато земной шарик лопнет, либо полетит вон отсюда кубарем, кубарем.

/БЕЗ ПОДРАЗДЕЛА/

Лиловая зона. Гибель лазутчика.

Нам кого работал Каштински? На какую державу? Это еще предстоит выяснить. Труп найден возле ограждений полигона за валом. Отчего умер? Никаких токсичных выбросов от аппарата, никаких вредоносных физических воздействий. Но Каштински мог подумать, что... Нервное перевозбуждение. Страх. Да! Старт аппарата слишком метафизичен, слишком действует на психику. Кажущаяся ирреальность происходящего может завести ум человека куда угодно. Кому-то кажется, де жизнь прожита зря, кто-то начинает молиться, на кого-то находит истерика. Итак, Каштински наблюдал старт невооруженным взглядом. Представьте увеличенный в тысячу раз большой винтовой самолет, взлетающий вертикально как ракета. Никакой авиеточности! Именно хвостом вниз, а лобовой частью в зенит. Чудовищно. Старт происходит словно бы из подземелья, из ниоткуда. Не было ничего — и сразу перед тобой громада выше собора. А звук? Нет винтов и реактивных форсунок. Перпендикулярные микроколебания. Сравнить этот "вокал" не с чем. Даже с сиренами Одиссея. Не слишком громко, но настойчиво, пронизывающе. А запах? Да, к сожалению, и запах. Многим что-то напоминает этот запах. Кому горевшую в раннем детстве пластмассу. Теперь таких пластмасс не выпускают. А кому — сотрясение мозга. Бывают при ушибе головы необычные фантомные запахи. Не только искры их глаз. Всё это называется: "Вам — взлёт". Но не тем, кто летит. Тем, кто остается. Взлёт в мир иной.

Каждому когда-то внушали мысль, что подглядывать нехорошо. Оказалось, действительно не стоит такого делать. Не только Каштински был жертвой. Могу перечислить по пальцам. Кстати, у меня есть записи предсмертных возгласов Каштински из его же диктофона. Никогда не угадаете, что он орал. Он кричал "Моби Дик! Моби Дик!" Совсем ошалел шпион. Непростой был человек. Найдите из трехсот человек, хотя бы одного, сумевшего прочитать книгу о гигантском ките от начала до конца. Тонкость нервной организации и подвела Каштински. А грубый лазутчик никогда бы не смог так близко подобраться к полигону.

ОСТАВШИЕСЯ

1

Старухе было сто восемь лет. Белье она не меняла несколько месяцев, последний раз мылась полтора года назад перед новым годом. Лет десять от нее не пахло ни мочой, ни потом. Зато попеременно исходили тончайшие, но отчетливые запахи глины, травы, пергамента, столярного клея и какой-то нераспознаваемой лекарственной настойки. Нужды справляла только ночью и всегда стоя: летом уходила далеко в рощу, а зимой использовала вместо ватерклозета сугроб вблизи узкоколейки. Главное: она пользовалась своими ногами, видела своими глазами, отказывалась от богаделен и пресекала в корне всякие попытки патронажа. Умственное помрачение на нее находило редко. В случае такой неприятности она запиралась, а когда требовалось, гнала непрошенных гостей прочь, энергично ма-

хая руками перед запертым окном с мутными тройными стеклами.

Вилья-Зоя? Что было в последний раз? Крик! Шум!

— Открой! Открой! — кричала старуха.

Обозлившаяся неизвестно на что Вилья не открывала. Заперла прапрабабку и ушла. Пришлось размуровывать окно, наглухо запечатанное полвека назад.

.....

2

.....

Взял палитру с углублениями. Каждое — с половинку куриного яйца. Стал сыпать. В правое углубление — тот самый свежесинтезированный яд. В несколько углублений — три разновидности снотворных таблеток. В два углубления — по транквилизатору. Кое-что еще. Палитра почти заполнена. Подобно художнику начал брать оттуда, отсюда... Пока хватит! Нужно сделать баррикаду у выходной двери, чтобы случайно не выскочить на улицу. Случается такое безобразие. Так. В центр комнаты — пустое ведро. Что еще? Почти всю жизнь спал голым, но сейчас — ни в коем случае не раздеваться. Мало ли что... Глядишь и через стену пройдешь... Правда, брюки между ног истлеют. Опять стал брать с палитры. Оттуда. Отсюда.

* * *

Проснулся через четверо суток. Еще не зная через сколько! Вполне живой. Ничто не болит. Нет. Болят ягодицы. Совершенно сухое ведро лежит на боку. Из него торчит разбитая люминесцентная лампа. Рядом на полу — лопнувший ртутный термометр. Хотел чего-то добавить и реактива не хватило? Много тщательно разбитого стекла. Рядом молоток и стальная плашка, послужившая наковальней. Что? Толченное стекло ел в потудоясном сознании? Однако язык и губы, гм... в полной сохранности. А вот на ягодицах, наверное, раны от осколков. Зеркала? Вот и зеркала! Все большие и малые зеркала треснуты по диагонали. словно кто-то провел по лекалу алмазом, а затем — варварским образом острозаточенным концом рашпиля... Так... Баррикада у выходной двери снесена, словно бурей, но дверь закрыта на щеколду изнутри. Удивительное отшибение памяти. Просто блаженство, если бы не общая слабость.

Дикий голод. Нет никаких продуктов. Не ожидал, что еще раз придется проснуться на этом свете. И вот — действительно настоящая пытка: лежать за четверо суток надоело и теперь ни с того ни с сего нужно тащиться в кафе и магазин...

От движения трещит лоб. Походка — как у человека с пробитым мозжечком. Прохожие оглядываются. Особо хамоватые парниши хихикают и показывают пальцами. Вот кафе. Дротаверин, конечно. Потом вобрал в себя суп, пододвинул второе и третье. Осталась пустая посуда, но помниться только вкус супа. Остального — как не бывало. И было ли оно? словно кто-то подошел сбоку и слизнул. На улице пропустил ближайший магазин. Понесло далеко через мост и узкоколейную железную дорогу. В цветной туман. Видимо, испугался

очередей и духоты. Там за туманами (не понял что такое) зашел в миниуниверсам, нахватал того-сего. На три дня хватит. За три дня можно прийти в себя.

Обратный путь. Но никто не смеется и не подхихкивает. Все люди куда-то исчезли. Где люди? Люди где? Ночь еще не наступила. Нет даже наглых парнишей. Что? Что такое? На северо-востоке Арзамаса волны огня и серые столбы дыма. Двигутся во все стороны, приближаются к Берёзовску.

721-й РАССКАЗЧИК

В летающие тарелки, порталы в некие "иные миры", другие измерения не верю. Всё это чушь несусветная. Не верю и в физический мир...

Внимание!

Удалено Комитетом по надзору
за сохранением государственной тайны
64 слова.

...сознание — вовсе не память, а их то и дело соединяют вместе и хуже того — путают.

И все-таки рассказы о необычайных проникновениях в иное чем-то привлекают внимание. Чаще рассказывают о необычном, о метафизических чудесах экстраверты, не сумевшие совладать со своим внут-

ренним миром. Боясь его, они переносят пережитое в более привычный для них, несуществующий "внешний мир". Рассказывая, они словно бы упускают нечто важное, а именно это важное не замечают все.

Случалось ли нечто необычное в моей жизни? Наверняка случалось, но я привык хоронить мелочи, особенно, когда некий фокус проявлял себя один раз. Скажем, шел впереди тебя человек, затем исчез, но через какое-то время появился снова. Ну и что? Возможны тысячи вполне прозаических объяснений. "В головном мозгу — всего одна актуальная клетка", — говорю я иногда в шутку. Когда она чем-то занята, прочее она не замечает или забывает, но дабы связать одно с другим то и дело наталкивает человека на ложные мнения.

Бывает, среди знакомых кварталов появляется некий необычный уголок. А через пару дней его никто не может найти... А если четко указать адрес? Иногда люди путаются в двух соснах, полдня ищут место привала с оставленными на нем рюкзаками, хотя приметы, ведущие туда, остались. Однажды мы увидели высоченную ветлу. Ее верхушка изображала сделанные из веток и листьев... серп и молот. Нерукотворные! Дерево было недалеко. Пошли его осматривать. С разных сторон. Аж, сфотографировали. Вернулись назад, а поляна с рюкзаками как сквозь землю провалилась, валилась, лась... Ау! Нам и в голову не пришло искать здесь параллельные миры. Мы обозвали себя растяпами. И всё!

А белые ночи? Сколько чудес/"чудес" они творят. Не только эстетических, но и практических. То фасады домов кажутся потусторонними, то сутки превращают-

ся в час, а час — в сутки. Однажды в субботу я должен был пойти на работу. Я и пошел, а оказалось: еще пятница не закончилась. Ларчик просто открывался: циферблаты у часов дурацкие: 19 часов легко превращаются в 7. Нужно только хорошо устать к концу недели. Просыпаешься: опаздываю, опаздываю, опаздываю. Бегом. Бегом. А белая ночь еще не началась, но уже обманывает. А с ее началом черт-те что иногда творится.

НАДЕТЬ НА СЕБЯ ЛЕС

Чтобы надеть на себя лесную поляну и уйти вместе с ней нужно быть одному. И в лесу, и дома. Иначе феномен не проявится. Многие нашептывается человеку в лесу. Многие постигает там йог или некто практикующий некое иное самопогружение. Погружайся, не погружайся, но ощущения длительного одиночества в лесу, в поле, овраге приедаются, забываются. Побывал где-то, вернулся — ничего особенного. Ходить в лес я долго предпочитал налегке, ничего с собой не брал, даже воду. И длилось это хождение "без пикников" больше десятилетия. Уже не помню, как всё поменялось, и с какой стати. Тем более — откуда взялось при себе красух. Да причем здесь оно? Не исключено, белсух или иной алк не хуже. Да пусть это несчастное/счастливое красух. Не очень много и не слишком мало. Что оно дает? Да почти ничего. Чуть иное восприятие и только. Привидения из кустов не выходят.

Главное — начинается дома. Стоит чуть задремать — и ты опять в лесу. На месте привала. Очнулся. Понимаешь — ты дома. Но одновременно в лесу. Стены и лес совмещаются! Без конца возвращаешься на место привала. Дрема — полудрема. Ты — там и здесь. Одно перетекает в другое. Видишь: ветки качаются. Слышишь: кузнечики стрекочут, птички щебечут, лес похрустывает, ветер шумит. А окна в квартире закрыты. Да и нет в городе кузнечиков. У людей, занятых на конвейере, иногда бывают яркие навязчивые представления. Проснувшись ночью и как бы видят ленту конвейера, на ней — детали и прочее подобное. Но случай с лесом куда оригинальнее. Здесь ничего навязчивого и стереотипного. Здесь не какой-то тупой отпечатанный след, а целая среда. Без гипоксии и других эффектов красух ее не достичь. Понятно, она не букет представлений или отсроченных на несколько часов последовательных образов, не галлюцинация. Нечто все же насильственное. Идет живой стереофильм и снаружи и внутри... Опять стрекот насекомых. Шум ветра. Качается ветка дерева. Расположение объектов — то же. Крики птиц. Возня зверьков. Узорчатая гадюка греется на сухом холмике. Но главное — цикады. Они что-то вроде второго по значимости гипнотического фактора. Они не дают забыться, отвлечься. Шевеление травы и прочее — аккомпанемент.

* *

Большинство людей не помнят первых лет детства, но есть исключения. Физиолог Иван Павлов помнил себя с первого месяца рождения. Это могу сказать и о себе. Возможно, помню и то, что было раньше. Была и другая особенность. Я долго не умел закрывать глаза: их щурил, либо оставлял открытыми. Стал трениро-

ваться закрывать глаза веками только в три года, глядя на других детей, и вполне освоил этот навык только годам к семи. Зато научился видеть темноту, а в ней — живые абстракции. Абстракции — это первое, что помню в этой жизни. Сам рисовал абстрактные картинки задолго до того, как увидел картины абстракционистов. Кандинский не был новостью.

Первые два года часто видел в темноте неких гигантских существ, сходных с большеголовыми рептилиями. Иногда — за окнами дома, на уровне четвертого этажа. Может, как-то превращал в них подъемные краны? Но город-порт располагался в тридцати километрах. Помню его вантовый мост, но в порту никогда не был. Рядом с домом не было строек. Присутствовали руины — последствия бомбежек. Думаю, дым из труб или облака я бы тоже не отождествил с чудовищами.

В темноте и наяву, и во сне часто являлись вращающиеся вокруг оси змеи с заостренными головами. Обычно они были повернуты ко мне торцом — заостренной головой. Смешнее всего было наяву: в змею могла превратиться любая точка темноты, стоило только на ней чуть сосредоточиться.

— Что это такое? — спрашивал я у родителей.

— Ты растешь, — без тени эмоции отвечал отец.

И еще несколько раз спрашивал:

— Что такое было?

— Да ты растешь! — следовал ответ.

Вращающиеся змеи виделись лет до десяти. Сейчас я могу вызвать их только в воображении, да и то смутно. Кстати, стоило захотеть, и лет в 20 и даже 25 они являлись. Скорее, отчасти это связано с чрезвычайной остротой зрения, которая тогда у меня была.

В черноте было много еще чего интересного. Некое предмирие. Словно бы я видел составные части элементарных частиц, собственные нейроны, сетчатку глаза, наконец.

Приходилось видеть и хаос — некий перемещающийся черный и одновременно многоцветный океан. Вся его чернота, темнота состояла из многоцветных точек. Эта бездна не была приятна, но и не была страшна. Я знал — за ней прячется что угодно, и вылезти из нее может всё.

ПОЛЕТ

Однажды я шел по городу. Для чего-то приходилось идти то в сторону транспортной развязки, то — от нее. Конечно, навстречу шли люди. Вдруг навстречу пошли одни наглецы. Они перлись прямо на меня. Свернул на обочину. Ха! Машина проехала сквозь мое тело. Прогазовала со всеми призвуками. И ничего! Я остановился — подумать о том о сем. А рядом — алкоголик — одной рукой держится за столб, в другой — сжимает бутылку пива. Пиво он уронил, принялся орать благим матом и показывать на меня пальцем. К нему подошли, принялись его урезонивать. Меня же никто, кроме алкаша, не замечал. Ему говорили: "Никого рядом с тобой нет! Сбрэндил, ты, с перепоя!" Здесь я взмыл в

небо и помчался над вечерним городом. А тела-то у меня, оказывается, нет! Город всё мутнее и мутнее. Раз! А я у себя дома сижу. Форточка открыта. Через нее я и вернулся! Хотя вполне мог бы и через стену.

* *

Это какой-то астрал. Такое редко бывает. Либо практически не помнится. Но не менее интересны натуральные сновидения со странными сюжетами, например, с перемещением в тело иностранца: японского подводника, норвежского летчика. Помню несколько сновидений с космическими путешествиями и войной в космосе. Должен признаться, приключенческие книги и фильмы не люблю. Накануне подобных "переселений души" и вскользь ничего такого не читал и не видел. Кроме того, в этих ярчайших снах откровенно присутствовало другое "бытовое я", отнюдь не персона героя, зрителя, читателя или вашего покорного слуги.

А как освежают повторяющиеся сновидения! Перетекающие друг в друга. А самое высшее — дежавю внутри сновидений. Еще круче сновидения, в которых — нет ничего от обычного мира. А сновидения вдоль оси времени, когда видишь целые десятилетия одно-моментно?! Простирающиеся в беспредельность цепи сновидений. Иногда дается вся земная цивилизация "от" и "до", а тебе право изменить в ней что угодно. Только вот странность: действительно меняешь, но меняешь совсем не то, что стал менять бы, находясь в своих обычных координатах. И цели-то выбираешь необычные, нетипичные. Ранее они бы и в голову не пришли. А как просыпаешься, помнишь их весьма смутно, потом смутнее, смутнее, а затем вообще уже

ничего не понимаешь. Словно мыслил ты недавно иным мозгом.

И наяву бывали редкие мгновения с видением четырех- или пятимерного пространства, с четким представлением криволинейного неравномерного движения, с нахождением внутри нескольких наблюдателей сразу. При этом становилось абсолютно ясно: движения не существует. Да и в обычной простейшей мысли четко видно: мегамир противоречит микромиру, они несовместимы. Целостная научная картина мира — бред сивой кобылы. Для пользы дела могут быть полезными лишь ее разрозненные звенья. Их соединение принципиально невозможно.

СНОВИДЕНИЕ, РАСПОЗНАННОЕ ВО СНЕ

Часто подобные сновидения называют осознаваемыми. Это большая ошибка. Неосознаваемого для нас не существует. Просто некоторые вполне осознаваемые вещи почти не запоминаются.

Я находился на другой планете внутри огромного сооружения наподобие севшей космической станции. Она имела оболочку и была внутри чем-то вроде круглого квартала большого города. По этому кварталу расхаживало человек 200—250. А вблизи меня никогда не было больше 3—4 человек. При этом я был не самим собой, но совершенно другой персоной. Довольно-таки чуждой мне, не считая самых примитивных эмоций. В наиболее острый момент чуждости видел себя не изнутри, а снаружи. Видел самого себя стоящего у окна и повернутого ко мне спиной. Он, который не

я, думал в то время о смерти своего родственника. Фигура, стоящая у окна, не была безобразна или неправильна. Только избыточно атлетична и высоковата. Именно этой легкой акромегалией она и отталкивала больше всего.

Вокруг станции — зеленые луга. По лугам разгуливали красивые существа с бычьими головами и огромными загнутыми, как у баранов, рогами. Существа светились всеми цветами радуги. Надо сказать, не паслись, не щипали травку! Их было всего пять или шесть разновидностей. Иногда они вели себя агрессивно, бодали стенки станции, заглядывали через окна второго этажа внутрь ее и что-то искали. Стекла окон почему-то не были бронированными.

Многочисленных разговоров с другими жителями станции не помню. Однажды пошел по какому-то закрученному в улитку маршруту и оказался в самом центре. Здесь располагались коммуникации и аппараты, которые обычно находятся на чердаках — технических этажах. Я это сопоставил и понял, что на самом деле сплю. К сожалению, здесь вспомнил плохие инструкции любителей "осознаваемых сновидений" и решил совершить что-нибудь несусветное, например полететь. И полетел. Но мой полет в самом начале больше напоминал плавание на спине. Как-то это не слишком поэтично. Здесь-то и понял, что по своей сути вообще не являюсь человеком и никогда им не был. Именно это близкое к сути от меня и осталось. Прочее куда-то исчезло. Стали занимать прескверные болезненные вопросы: "В кого воплотиться? Где воплотиться? И надо ли воплощаться?" Увы! После этого полет действительно сменился плаванием. У меня не было другого тела, кроме крыльев, с помощью которых я плыл. Некие мутные крылья машут сами по себе в мут-

ном туманном океане и ничто не тянут! Давно позабыл, что якобы "на самом деле" сплю. Абсолютной явью было одно: беспредельный серый океан и беспредельное время. Риск утонуть и провалиться в Тартар был велик. Крыльям надоело махать. Но вот крылья нелепого бестелого существа (плазменного микроба!) коснулись стенок аквариума-бассейна, в котором находились. И я проснулся в обычном мире.

2-Е РАСПОЗНАНОЕ МОНОСНОВИДЕНИЕ⁶

Сновидение очень длинное, местами представляет собой вульгарный фильм, но некоторое пропедевтическое значение в нем есть.

Часть I

Один из героев — чудовище с зубами крокодила. Всем-то оно известно, но его считают чем-то вроде обычного Шарика. После трех бесед с этим "Шариком"⁷ (а в нем, похоже, жила душа какого-то злодея) я отправился разбираться к его хозяину. Местообиталище хозяина было стандартным для многих предыдущих нераспознанных сновидений — сплав этажа с коммунальной квартирой человек на триста. Даже не

⁶ К моносновидениям не относятся ситуации, когда человек одновременно спит и бодрствует, либо когда два сновидения снятся сразу или одно сновидение находится внутри другого — не имеют значения частичные прерывания, приостановки или пересечения.

⁷ Не путать с Шариковым! Имя условное, придуманное во время записи протокола сновидения.

общежитие, а лабиринт. Некоторая странность — лаз в двери хозяина больше подходил бы для кота. Скорее всего, здесь или в следующей части я почувствовал, что на самом деле сплю.

Часть II

Очень большая библиотека. Превратился ли в нее этаж с квартирой — не ведаю. Просто я хожу между стеллажами. Во мне есть способность трансформировать предметы. Могу делать то и сё. Но вот странность! Летать-то я не умею. Попытался и так и сяк, но не взлетается. О полете на другие планеты и в другие галактики не думал. Прочие события в библиотеке не помню.

Часть III

У меня три женщины подходящего возраста, то есть способные на подвиги. Я их не вызывал, не изготавливал. Просто они были и раньше. Главный акцент не эротические моменты, но общая обстановка. Однажды с этими девушками-тетками у меня был под открытым небом ералаш, за который в обычном обществе либо штрафуют, либо задерживают на 15 суток. Однако в том мире подобные взбалмошные проявления в почти публичных местах подлежали суровейшей каре.

Пошел фильм-боевик под условным названием "Борьба с властью". Я опять попытался взлететь. Что-то стало получаться. И вновь я не столько полетел, сколько поплыл по воздуху на спине. С большим трудом удалось выправить положение и полететь нормально. С огромным трудом я заставил себя не махать руками и просто парить, не тратя впустую энергию. Прочими

умениями я уже обладал. Усилием мысли сбил самолет и пару вертолетов преследователей. Уничтожил даже две наземные цели. В чем каюсь, так как причинить мне вред последние не могли.

Часть IV

Обычно герой в подобных случаях переходит на нелегальное положение или скрывается за границей. В сновидении ни о каких заграницах не могло быть и речи. Я оказался в некоем заоблачном обиталище. Называйте его Шамбалой или как хотите. Описать тамошнюю жизнь сложновато. Суть в том, что попавшие туда люди оказываются все вместе неким синцитием, грибами — единым существом. Как это? Для начала нужно понять: столы, стулья, руки, ноги и мозги — всего лишь иллюзориум, а действительность выглядит совсем иначе. Иллюзия даже сама "Шамбала".

Часть V

На время я вернулся в обычный тот мир (похожий на Локал-3, по Роберту Монро). Заодно решил посмотреть, как обстоят дела у бывших жен. У двух всё было в порядке. Третья куда-то исчезла. Отправился к ее папаше. Этот товарищ своей внешностью всегда мне напоминал мафиози. Мы с ним сели в некий микроавтобус, смахивающий на лодку, и стали "колесить" по городу (хотя фактически колеса так-таки отсутствовали). Я объявил своему спутнику, что почую пропавшую (живую или мертвую) через любые стены. Наконец я нашел нужный дом и двинулся к двери дома, но тесть меня отстранил, сказав, что у него есть пистолет. Дверь открылась, за ней показался какой-то бандит. Тесть выстрелил и убил бандита. Дальше пошло невообрази-

мое, что и может быть только в сновидении. Тесть завернул бандита в матрас, полил "бензином", поджег, но при этом загорелся сам, упал на пылающий матрас и стал покойником.

Я прошел несколько коридоров и комнат. Увидев второго бандита, я потребовал у него разъяснений. Бандит подошел к штабелям с коробками и вытащил две или три очень узкие и длинные коробки. Одну из коробок бандит протянул мне. В этой весьма узкой коробке и лежала пропавшая. Она была штативом. Ноги у нее были одновременно человеческие и штативные, торс представлял собой металлический стержень, головы не было. Ниже стальной головки (на которую должен крепиться фотоаппарат) располагались динамик, оптическое стеклышко и выключатель. Я щелкнул выключателем. Сразу раздался знакомый слабый голос:

— Здесь страшный сквозняк и очень холодно!

* *

Что бы это значило по Фрейду и не очень по Фрейду? Стиве Облонскому снились дамы-графинчики. А здесь девушка-штатив... Слабое место всех девушек — мордашка. Конечно, у некоторых бывает симпатичная мордочка, но только временно. Уже завтра или через неделю она может оказаться не очень. Многое зависит от того, как собраны или разметаны волосы. Складывается впечатление, что на конкурсах красоты отбирают женщин по фигуре и только потом — по лицу и голове. Я бы поступал наоборот.

Мораль

А. Минусы:

- 1) я управлял отдельными действиями, но не сновидением в целом, а часто вообще забывал, что сплю;
- 2) не задумался над тем, чтобы попробовать на зуб распознанного сновидения не то что метафизику, то есть тот фактический первичный монитор, на котором мы изображаемся, но даже обычную науку, например астрономию или нейрофизиологию.

Б. Плюсы:

- 1) раньше приходилось находиться в более высоких состояниях, обладать гораздо большими способностями, но вроде бы я приобретал всё это на некоторое время волей случая; здесь же частично удавалось карабкаться с помощью собственных скромных сил;
- 2) удалось персонально надеть на себя так называемую Шамбалу; раньше ни в каких озарениях и духовидениях она мне не являлась.

/Здесь ранние записи голоса этого неустановленного лица. Они касаются Большой Земли. Его тексты о Березовске и Арзамасе — в папке № 97/

Часть 277981-14 "W."

ОСКОЛКИ АСТРАЛОВ

Облагороженно-ненасытые блуждания облаков. Что, кроме грома-молнии-дождя в устремлениях белых?

"Мы испаряемся, как вода. Мы, облака, испаряемся в Космос..."

Кто бы подумал? Если туда испаряется хоть миллиардная часть, в том и смысл их жизни. Но кто это сказал? Они сказали?

Язык виноват во всем. Он враг истины. Наличное в языке присутствует и в сознании, а живущее только в сознании? Того яко нет. Устройство языка каламбурит ребра небытия.

Подтопорный плач кленов и берез... Как всхлип глины, ударенной павшим камнем.

Шевеление, шевеление в искровых недрах беспредметного.

Клекот, крехот, колочение...

Умер горизонт. Разбросанные домишки без оград превратились в статуи-надгробия. Местность — кладбище, ждущее сов и летучих мышей. Не хватает серой мертвенной луны. Но без нее — еще лучше. В оврагах и впадинах мутные полупрозрачные существа. Прижимаются к лужам, расплываются, тонут, вскоре

всплывают. И уже всё кажется, кажется всё. Представь, что хочешь — и оно будет.

Мигнул. И... на площадях, улицах — ярмарка. Побрякушки на фоне синего льда. Холод уползает к углам и стенам от яркости пахучих деревянных поделок. Только небо равнодушно. Оно не замечает красных от сивухи лиц. Небесный хлад чувствует себя вольно, клубится. Середина его светлеет — и он спешит уйти. На северные кромки ветров.

Двадцатиметровая гора из песка насыпана в реку. Справа ее подошвы — сигнальный флажок. Символ утопленника. Видимость что-то напоминает. Мокрую переводную картинку. Но видимость — и так картинка. По крайней мере, сегодня.

Небытие памяти. Перепространство. Недотопология. Не мелькает, но порождается. Не порождается, но выходит из гармошки. Но гармошка сжата. Ее растягивание — мир иллюзий. Идут повторы. Отсюда сцепления, мнущиеся следами, гаданиями на приборотных промоинах.

Субстрата нет. Его вымучивают, но как его удерживают? Сознание делится на кластеры... один отчуждается от другого... поэтому иллюзия материи... выдумка времени для размещения сот со съеденными границами. Но здесь идет замена деления потенцированием... Резаные разные профили.

Страшен звук, претворяющийся в быстротекущую стихию внутри сна. Не в момент срыва типа прозябания или отвлечения в сторону, но за пару мгновений до того.

Сушь. Осень. Запечатанный листопад. Скрип деревьев. Безлюдье. Вырубка. Остановленность. Никуда-неидушь. Ничего-не-надость. Само-посебеть.

Проваливание в сон чернее и чернее. В прогалинах глубины — истошная лиловость. Чем больше потемненность — тем больше возможностей. Вот подземное озеро с плавающими на торцах кругами-ликаами. Дальше — похожее озеро, но с вывернутыми наизнанку груздями-водоворотами. А на них кэлэ... кэлэ... э лэ тэ лэ! Сэд!

И навязанное слово "грех". Ему нужно придать иное наполнение. Мохнато-когтистое томление — мениск благодати. А окна нельзя открывать. Даже заплеванной мыслью. Штиль еще тот.

ВТОРОЕ ОБЛАКО СМЕРТИ С КОЛЬЦА

Что за идальго, закутанный в сизые полотнища, идет навстречу дождю? Он безглазый. Он несет вихри. Голова в тучах. Борода распускается туманом. Близко. Близко. Но уже был конец всему. Здравствуй, новый смерч!

ЭПИЛОГ-22

Берёзовск не умер. Он слишком много дал протуберанцев. У него масса защит. Его гибель невозможна.

Он спас себя и Землю от Арзамаса. Возможно, сохранил и Арзамас.

Я иду через кочки, слои пыли и пепла. Горелое царство. Где тут Берёзовск-8? Где Арзамас-26? Где кольца-зоны? Куда они спрятались? Где опять закупорились?